

Путь первопроходца

(Очерки из жизни Сон-Мён Муна)

Содержание :

Вступление

1. Выживание в тюрьме. Преподобный Сон-Мён Мун
2. Первые годы. Уон-Пил Ким
3. Переход через границу. Ин-Хо Ким
4. Интервью с Сэ-Хён Ок
5. Выдержки из дневника Хё-Уон Ю
6. Преподобный Сон-Мён Мун: человек и миф
7. Преподобный Сон-Мён Мун: жизнь ради других

ВСТУПЛЕНИЕ

Относительно мало известно о первых годах жизнедеятельности преподобного Сон-Мён Муна, который сам не любит рассказывать о них. Основной раздел этой книги начинается с рассказа о 1946 году, когда преподобный Мун только начинал свою проповедническую деятельность в Пхеньяне и Уон-Пил Ким, которому тогда было всего 18 лет, стал одним из его верных последователей.

Преподобный Мун родился 6 января 1919 года в маленькой деревне Пён-ан Пукдо, на северо-западе Кореи. Это было всего через год после 1 марта 1919 года, когда произошли события, связанные с одним из наиболее известных движений новейшей истории Кореи — Движением Независимости. Тогда 33 религиозных лидера запланировали мирный протест, демонстрируя этим независимость Кореи от Японии, под чьей оккупацией она тогда находилась. Однако всеобщая мирная демонстрация была расстреляна и в течение следующих семи недель она превратилась в кровавый бунт. По некоторым данным, 7 тысяч корейцев погибли в ходе этого столкновения или позже в результате избиения и пыток.

Преподобный Мун был пятым ребенком в семье, где росло 8 детей, четверо из которых (3 сестры и брат) были старше его и 3 сестры младше. Когда ему было 10 лет, его родители, Кён-Ю Мун и Кён-Ге Ким, приняли христианство.

Вот некоторые факты из жизни преподобного Муна, которые он сам рассказал нам. Он очень интересовался всем, что окружало его, и уделял много времени и внимания изучению поведения животных, птиц, насекомых. Одной незабываемой снежной ночью он и его двоюродный брат при лунном свете следили за лаской. Они были так решительно настроены, что поймали ее на следующее утро в соседней деревне. В другой день кто-то из взрослых увидел двух дерущихся мальчиков. Старший мальчик бил младшего — Сон-Мён Муна. Взрослые попытались разнять их, но их невозможно было остановить. На следующий день в то же время мальчики опять подрались, на этот раз досталось старшему.

Преподобный Мун говорил, что, когда ему было 10 лет, он видел свое будущее в получении трех ученых степеней в различных областях знаний и в том, чтобы стать великим ученым. Когда ему исполнилось 15, его взгляды на мир изменились. Он увидел, что жизнь окружающих людей часто представляет собой сплошную борьбу. Ему стало ясно, что эта борьба была во все времена, и если мир не изменится, то она продолжится и в будущем, и, чтобы разрешить проблему человеческих страданий, ученых степеней недостаточно. Желание освободить людей мира от страданий постепенно начало обретать в его сознании конкретные формы.

Пасхальным утром 17 апреля 1935 года этот юноша получил откровение, которое дало начало мировому беспрецедентному движению. Преподобный Мун рассказывал, что во время молитвы ему явился Иисус и объяснил, что, несмотря на то, что он принес людям спасение через распятие, его миссия была гораздо более значимой — построение Царства Божьего на земле. И Иисус попросил его завершить эту миссию.

Это было очень важным решением для серьезного молодого человека. Преподобный Мун знал, что есть большая разница в обязательствах, принимаемых по собственному решению и когда обещаешь другому человеку. Если бы он начал эту миссию просто сам, решившись на это, то мог бы в любой момент остановиться. Однако, дав обещание, не так просто его нарушить. Иисус спрашивал еще и еще раз, пока преподобный Мун наконец не согласился.

Внешне все выглядело, как будто он просто учился, стремясь получить образование. Его зачислили в старшие классы технической школы Сеула по специальности инженер по электротехнике. Он рассказывал, что все свободное время в этот период уделялось им молитве. Он любил молиться на берегу реки Хан или в горной местности и в то время с каждым днем все больше начинал понимать Сердце Бога. Преподобный Мун понял тогда, что Сердце нашего Небесного Отца полно печали и огромной горю. Ему приносят грехи и страдания людей. И хотя бесчисленное множество людей отреклись от Бога, Он не хочет оставить ни одного из них. Превозмогая Свое одиночество и боль разбитого Сердца, Бог продолжает трудиться для их спасения. Когда преподобный Мун размышлял над жизнью Иисуса, то понял, насколько Иисус должен был желать поднять свой народ, все человечество до сферы Божественной любви. Преподобный Мун не мог сдержать слез. Говорят, что иногда по утрам его одежда становилась мокрой от того, что всю ночь он плакал.

На реке Хан была деревня нищих. Преподобный Мун хотел пройти по следам Иисуса, провести часть своей жизни среди низов общества, служа им. Получая деньги от родителей, он тратил часть их на свой месячный рацион риса, а оставшиеся деньги отдавал этим людям. В Корее только низшие слои общества не ухаживали за своими волосами, поэтому выглядели очень неопрятными и окружающие избегали их. Преподобный Мун купил парикмахерский инструмент и помог им. Нищие уважали его за доброту, он стал их лучшим другом.

Преподобный Мун рассказывает, что он проповедовал при любой возможности. На вокзале или в парке он начинал говорить, часто собирая вокруг себя толпу. Когда вокруг него собиралось много людей, он начинал проповедовать Слово Божье. Это было во время второй мировой войны, когда Корея все еще была оккупирована Японией. Часто его останавливала полиция. Его младший двоюродный брат (тот, вместе с кем он ловил ласку) пытался защищать его, вступая в переговоры с полицией. После окончания школы преподобный Мун продолжил свою учебу в университете Васэда в Японии на факультете электромашиностроения. Как и в Сеуле, он общался с людьми, принадлежащими к разным социальным группам.

Казалось бы незначительное событие произошло в то время, но, по словам преподобного Муна, он его никогда не забудет. Одна домохозяйка наняла его для доставки угля, который требовалось перевезти на значительное расстояние. Когда в конце концов юноша привез уголь, то очень устал, вспотел и был голоден. Увидев это, женщина пожалела его, заплатив за работу больше, чем должна была. Эта доброта так тронула сердце преподобного Муна, что он заплакал. С тех пор, часто нанимая рабочих и работая вместе с ними, он всегда платил им большее вознаграждение. Когда жизнь человека тяжела и полна невзгод, такие маленькие радости, как эта, могут восстановить его веру в человечность. Даже маленькие проявления любви могут изменить всю судьбу человека.

В Японии преподобный Мун объединился с другими корейскими студентами для организации подпольного движения сопротивления. Японская тайная полиция арестовала

и пыталась его, чтобы выяснить имена других студентов, участвовавших в сопротивлении. Но он выдержал это тяжелое испытание и никого не выдал.

Открытию Божественного Принципа, основы учения Движения Объединения, преподобный Мун посвятил много лет жизни. Это не просто пришло к нему, а было добыто бессонными ночами, проведенными над Библией в поисках понимания сути законов, которые Бог использует, восстанавливая этот мир. Во время долгих ночных молитв он получал духовные откровения, постепенно прояснявшие многие положения. Некоторые части Принципа, по его словам, стали понятны ему только в результате тяжелой и интенсивной духовной борьбы.

К концу второй мировой войны преподобный Мун уяснил все положения Принципа, за исключением одного. Самым сложным вопросом, над которым он бился 14 лет, оказался следующий: если Бог всемогущ, то почему же Он не предотвратил грехопадение? Почему Он не создал человека таким, чтобы у того не было возможности покинуть Бога? Почему Он просто-напросто не начал все сначала, вместо того чтобы трудиться столько лет в течение всей истории?

В этой книге прослеживается история ранней церкви с 1946 года, когда преподобный Мун получил откровение идти в Пхеньян, в Северную Корею, находившуюся под властью коммунистов, где он и создал общину и Церковь. Именно тогда его встретил Уон-Пил Ким, один из первых последователей. В книгу включены его воспоминания о тех первых днях истории церкви.

Небольшой рассказ самого преподобного Муна открывает книгу. В нем он повествует о своем заключении в коммунистическом концентрационном лагере в Хыннаме в 1948—1950 годах и условиях жизни там.

Недавно в Сеуле, Южная Корея, г-н Ин Хо Ким опубликовал небольшой документ. Это рассказ человека, выжившего в лагере Хыннам. Г-н Ким не является членом Движения Объединения, но этот документ включен в книгу, в силу его актуальности.

Заключительная часть книги — перечень проектов, начатых Движением или воодушевленных им в течение своей непродолжительной истории. Преподобный Мун говорит, что в те ранние годы он рассказывал членам Церкви, которые часто не верили в подобное, о вещах, которые Церковь в итоге претворит.

ВЫЖИВАНИЕ В ТЮРЬМЕ

(Эта речь была произнесена преподобным Муном в Вашингтоне 28 декабря 1971 года и переведена г-жой Уон-Бок Че)

В трудовом лагере было приблизительно 800 заключенных. Хотя воскресенье и считалось выходным, отдыхать нам не разрешали. У нас был так называемый “учебный час”. Все мы знали, что все, о чем нам рассказывают тюремные власти, — ложь. Хотя с заключенными обращались настолько плохо, что многие из них умерли, нам говорили, что относятся к нам хорошо. Они говорили, что посетители могут приходить к нам в любое время и приносить любые продукты и подарки. На национальные праздники они обещали, что разрешат нам есть рыбу, свинину, говядину, но в действительности ничего этого так и не было. Они не прекращали вести подобную пропаганду. Нам читали лекции о режиме Ким Ир Сена, после чего мы должны были записывать наши впечатления в специальную книгу, которую затем читали и проверяли. Тех, кто написал хороший доклад, хвалили перед всеми заключенными. Эта похвала Ким Ир Сэну и его режиму была очень важна для них. Единство с режимом очень одобрялось. И кто бы ни написал хороший доклад, награждался общими аплодисментами. Если мы переставали хлопать, нам делали выговор.

Обычно для докладов выбирали заключенных из самых уважаемых людей, — тех, кто раньше противостоял режиму. Так власти пытались влиять на нас. После этого молодых заключенных подсаживали к докладчикам. Они спрашивали их, как те могли сказать такое в докладе. Говорили ли они от чистого сердца? Однако часто молодые заключенные являлись агентами. И если докладчик отвечал, что его принудили сказать так и не иначе, то его сурово наказывали и помещали в “одиночку”. Используя подобную тактику, власти постепенно принудили многих из нас изменить своим убеждениям.

Наш ежедневный рацион состоял из трех горсточек риса (чего, естественно, было недостаточно) и супа, который обычно готовился из листьев редиски, воды и соли. Это все. Работа, которую мы должны были выполнять, заключалась в погрузке сульфата аммония. По 40 кг сульфата нужно было засыпать в соломенные мешки, завязать веревкой и погрузить в фургоны.

Мешки и веревки нужно было носить со склада. Вся эта работа лежала на нас. В нормальных условиях рабочие должны есть свинину, чтобы поддержать свое здоровье, так как аммоний разъедает кожу. Более того, обычные рабочие должны грузить по 70 мешков. Наша же ежедневная норма состояла из 130 мешков каждый день, и мы не получали свинину, лишь небольшая порция риса поддерживала нас в течение всего дня.

Мужчины объединялись в бригады по десять человек и в таком составе должны были выполнять норму. Аммоний накапывали в насыпях удобрения, упаковывали и перевязывали. Мешки нужно было дотащить до весов, а затем на плечах до фургона. По подсчетам коммунистов, около 80 % заключенных не выдерживали таких условий более трех лет и умирали. Уже через шесть месяцев в результате тяжелой принудительной работы и отвратительного питания кожа заключенных приходила в ужасное состояние. Это напоминало фотографии заключенных нацистских лагерей, которые вы можете увидеть сейчас. Голени ног становились толще бедер. Мы весили меньше, чем дети, и напоминали собой трупы. Трудно даже представить, как мы выглядели.

От фабрики удобрений до тюрьмы было около 2,5 миль. Каждое утро, окруженные вооруженными охранниками, держась за руки, мы выстраивались в четыре цепочки. Если мы ослабляли или отпускали руки друг друга, нас обвиняли в попытке к бегству. Зачастую мы даже не могли поднять головы, не то что держать пистолет или ружье, как наши охранники. Все было направлено на то, чтобы уморить нас за три года.

В таких условиях сложно было выжить. Если заключенный не выполнял норму, его порцию сокращали в 2 раза. Для нас, конечно, не было ничего важнее еды. Человек, как известно, это не только физическое тело. Если заключенный полагался только на получаемую пищу, чтобы выжить, он почти наверняка умирал. Я приучил себя чувствовать, что меня духовно питали. Я понимал, как важно было контролировать свой разум и душу, и решил жить, съедая лишь половину своего ежедневного рациона пищи. Постепенно привыкнув к этой мысли, я начал отдавать половину пищи другим заключенным, убеждая себя, что и при таком рационе смогу выполнять норму.

Поскольку в бригаде было 10 человек, мы работали парами. Работа была более легкая и более тяжелая. Я принял решение, что буду делать самую трудную работу. Я решил на это и сказал себе, что и тогда я не умру, ни через 3 года, ни даже через 10. С этого момента я смотрел на свои полпорции как на достаточное для меня количество еды, а на вторую половину как на дополнительную, данную мне Богом. Я нашел в этом огромное духовное утешение. Я почувствовал, что жизнь — постоянное испытание, и решил работать настолько усердно, насколько возможно.

В бригаде из десяти мужчин всегда оказывался кто-то, кто был слабее остальных. Тогда мне приходилось работать еще усерднее, чтобы доделать работу этих людей. В течение дня, если мы начинали думать о еде, продолжать работу было очень трудно, поэтому я старался никогда не думать о пище. Я решил, что эта работа предназначена мне судьбой и я был рожден для нее. Я хотел вложить в нее все свое сердце и работать с полной самоотдачей, — так, как если бы эта работа была необходима Богу.

Работа начиналась в 8 утра, в 10 часов был десятиминутный перерыв. Нам разрешали пойти в уборную, но я старался не думать об этом.

Я ждал, пока не сходят все, и только тогда я сам мог пойти туда. Я работал с таким душевным настроем, что практически сохранял свой физический вес. Это вызывало недоумение сотрудников тюрьмы. Где бы я ни трудился, я всегда искал самую тяжелую работу. Каждый день состав бригад изменялся, чтобы предотвратить подготовку побегов. Все заключенные хотели быть в одной бригаде со мной!

Я старался не разговаривать много, потому что знал, как хорошо организованы коммунисты. Самым сложным для меня было описывать свои чувства после прослушивания очередного лживого выступления. Охранники уделяли мне пристальное внимание, ища малейшую возможность обвинить меня. Они даже подсеяли шпионов в мою камеру, но я не произнес ни слова. Власти использовали заключенных в качестве агентов за небольшое увеличение порции.

Все мысли заключенных были только о еде. Иногда в этой убогой пище попадались маленькие камешки. И если кто-то выплевывал их, другие пытались подобрать. Если заключенный был болен и не мог работать, его порцию сокращали вдвое, это огорчало и опечаливало более всего. Если порцию сокращали, заключенный чувствовал так, как будто он умирает. Даже если у него была лихорадка или невыносимая боль, он делал все, чтобы только выползти из камеры и получить целую порцию. Обед давали прямо на рабочем месте, поэтому, чтобы получить его, необходимо было притворяться, что он работает. Он не мог отдыхать здесь. Если он хотел получить ужин, ему необходимо было приложить все усилия, чтобы добраться обратно в лагерь.

Порция состояла из одной миски риса. Как только заключенный получал ее, он бессознательно заполнял рот рисом. Пока это поедалось, он наблюдал за другими, их мисками и их рисом. Задолго до окончания раздачи заключенный заканчивал есть. Он сразу же забывал, что уже поел, и, видя, как мимо него сует еда, винил других, что они съели его порцию. Время от времени пищевой шок был настолько силен, что человек, не успев доест, умирал. Тогда вокруг него начиналась драка за остатки пищи, в том числе и изо рта умершего. Вы вряд ли можете представить, насколько это было ужасно.

Самым сложным заданием было нести мешки, полные удобрения, на весы. Эту работу я взял на себя. Никто больше не хотел этого делать. Обычно мешок весил 40 кг. По мере продвижения работы насыпь с удобрениями уменьшалась, а расстояние, на которое нужно было переносить мешки, увеличивалось.

Раз в год коммунисты выбирали лучшего заключенного, и я победил. Среди заключенных было около 20 человек, которые хотели следовать моему примеру, но я не смел обратиться к ним. Несмотря на то что им запретили разговаривать, во время перерыва они подошли ко мне поближе и сказали, что получили откровения. Охранники стали обращать на нас внимание, поэтому я сказал своим новым последователям, что они не должны подходить ко мне. Утром, когда заключенные выходили из своих камер в узкий коридор, эти последователи подходили и обнимали меня. Раз в месяц нам разрешали видеться с посетителями. Приходившие родственники или друзья приносили рисовую муку, которую человек делил со своим соседом по камере. Если мука появлялась у одного из моих последователей, он заворачивал небольшую ее часть в бумагу и прятал, чтобы потом сделать рисовый пирожок. Они приносили эти пирожки на место работы, чтобы отдать их мне во время обеденного перерыва, что было очень сложно, так как каждый день охранники очень внимательно следили за заключенными. Это было незабываемое впечатление.

После освобождения Хыннама силами Объединенных Наций я и четверо моих последователей направились в Пхеньян. Остальные разошлись по своим домам.

Я рассказал вам все это, и теперь вы имеете представление об условиях жизни того времени. Коммунистическая организация была очень сильна, и те дни в тюремном лагере стали одним из самых сложных испытаний, выпавших на мою долю. Коммунисты легко

подчиняли себе людей с помощью распределения еды. Если кто-то проявлял “реакционные” мысли, его порция уменьшалась настолько, что он либо менял свою точку зрения, либо кончал свою жизнь самоубийством. Я не думаю, что вы можете даже представить себе, чем обернулся бы для вас коммунизм, стань он вашим образом жизни, вашим образом мыслей.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

(С этой речью Уон-Пил Ким выступил перед членами Церкви Объединения 14 октября 1979 года во Всемирном миссионерском центре в Нью-Йорке)

Первый раз я увидел преподобного Сон-Мён Муна в июле 1946 года. В то время ему было 27 лет по корейскому исчислению и 26 по западному. В Тихоокеанском регионе вторая мировая война закончилась 15 августа 1945 года. Несмотря на огромные страдания, перенесенные Кореей во время японской оккупации, начиная с 1905 года, страна сохранила территориальную целостность. В результате соглашения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Корея была разделена на 2 части практически за одну ночь и свободный переезд с Севера на Юг затруднился. К 1946 году, годом позже, граница так усиленно охранялась, что перейти через нее стало абсолютно невозможно; это походило на попытку пройти сквозь Берлинскую стену.

6 июня 1946 года преподобный Мун получил откровение идти на Север. Каким-то образом ему удалось пересечь эту охраняемую территорию и в конце концов прибыть в Пхеньян. В первую очередь он посетил все известные святые горы в Северной Корее, там он горячо молился за Небеса и человечество и встретил очень много верующих, которые тоже молились в то время. Я встретился с ним сразу после его возвращения из этой поездки, через месяц после его приезда в Северную Корею.

Во время 40-летней японской оккупации в Корее не было свободы вероисповедания и церкви терпели различные притеснения. Власти требовали, чтобы корейцы поклонялись японскому императору, на что охотно соглашались неверные христиане. В конце концов церкви опустели, так как христиане предпочитали проводить свои службы маленькими группами у себя дома. Когда в 1945 году пришло освобождение, христианам снова была дана свобода поклоняться в своих церквях, подобно пожару выросли новые группы и дух был выше, чем когда-либо.

К 1946 году корейскому христианству был только год, но вера людей была очень сильной. Многие группы и отдельные люди получили откровения о том, что Христос придет в Корею. В частности, одна группа была очень сильна духовно и очень верила в полученное откровение. Им было сказано, что их основная ответственность — сохранить свое откровение и подготовиться к скорому приходу Господа. Они посвятили всех себя ожиданию этого события.

Пхеньян часто называли Иерусалимом корейского христианства. В те дни люди, искавшие великую духовную истину, направляли свои стопы в Пхеньян, ставший огромным религиозным центром. У некоторых корейских христиан были просто поразительные духовные опыты. Возможно, Пхеньян стал таким центральным местом потому, что впервые христианские миссионеры пришли в Корею через Маньчжурию, а не через Юг. Деревня, в которой родился преподобный Мун, находилась близко к Пхеньяну и границе с Маньчжурией.

К концу второй мировой войны никакого равенства между мужчинами и женщинами не было. Женщин отговаривали от получения образования, хотя мужчины, все кто мог, ходили в школу. Подчеркивалась важность для женщины сохранить чистоту и целомудрие и посвятить себя подготовке к браку. В результате те немногие женщины,

которые научились считать и писать, сделали это дома, а не в школе. Так как они не могли получить более высокое образование, то даже женщины, занимавшие видное положение в обществе, не могли прочитать Библию. Но во снах и видениях духовный мир* открывал значение Библии тем женщинам, которые отчаянно искали понимания. Это стало обычным явлением и принималось верующими.

Социальный устоя того времени запрещал женщине переходить дорогу мужчине. Это считалось неправильным и невежливым. Женщина приличного воспитания никогда не ела за одним столом со своим мужем, а всегда ждала, пока он поест, а потом садилась в конце стола и доедала остатки. То, что сейчас называется свободной любовью, в то время было невообразимым, и выбор супруга находился полностью в руках родителей. Они сами решали, кто был лучше, — желание их дочери не имело никакого значения. И никаких исключений не было. Такой была тогда обстановка в корейской культуре, что очень важно для понимания того, как в таких условиях работал преподобный Мун.

В то время члены христианских церквей были очень преданными. Библии были засалены от частого использования, и края страниц были закруглены. Несмотря на то что многие люди не умели читать, они пели гимны так часто, что знали их наизусть, даже очень длинные песни. Обычно только новичкам требовались сборники гимнов, и все собравшиеся громко пели песни с большим вдохновением. В этом была глубина их веры. Я часто видел преподобного Муна с Библией и однажды пригляделся к ней поближе. На каждой странице были красные пометки и все поля были исписаны очень мелким почерком, предложение за предложением. Его Библия была полна комментариев и пояснений.

Посвященные христиане, так же как и другие верующие—не христиане, ходили молиться в горы, и многие из них получали откровения, очень часто похожие на Принцип*. Тем не менее священники часто говорили в церквях о вещах, сильно отличающихся от этих откровений, несмотря на то что люди, получавшие их, были настоящими христианами. Сейчас в Америке священников уважают и почитают, но в то время в Корее их больше чем уважали. Прихожане думали о них как о заместителях Бога. Люди принимали на веру все, что говорили священники. И абсолютно доверяя и подчиняясь им, прихожане считали невыполнение указаний пастыря равносильным смерти.

Вот один пример того, что произошло тогда. Христиане говорили, что Иисус пришел умереть за человечество и что мы получаем спасение через его смерть. Они думали, что единственное, что им надо делать, — это верить в Иисуса, и тогда они будут спасены безусловно. Но когда люди стали получать откровения, многие из них говорили о том, что Иисус не должен был умирать на кресте для спасения всего человечества. Эти христиане всегда верили в традиционную концепцию первородного греха, но их откровения во время молитвы очень отличались от того, чему учила их церковь. Никто из них не знал Принципа, но многие из них получили некоторые представления о нем через свои духовные опыты.

Люди, проводившие богослужения дома, начали получать откровения и были преисполнены радостью. Но они столкнулись с дилеммой: их откровения отличались от того, что проповедовали священники. Они не могли поверить в то, что священники ошибаются, хотя все говорило о том, что получаемые откровения были правильными. Во время японской оккупации невозможно было свободно обсуждать какие-то откровения, но после освобождения прихожане могли свободно делиться мыслями в церкви. С огромным вдохновением они шли в церковь, уверенные в том, что священник даст им правильный ответ. Например, они рассказывали священнику, как небеса открыли им, что Иисус пришел не для того, чтобы умереть. Пораженные, священники приходили в замешательство от услышанного, и им нужно было решать, как отвечать. В конце концов они решили, что это работа сатаны и что людям надо усиленно молиться, дабы не быть обманутыми им.

Это не трудно понять. Тридцать лет назад многие из людей, получивших такие откровения, были простыми людьми из горных деревень. У них не было даже элементарного образования, и знание Библии они приобретали через откровения, получаемые ими в молитвах. Представьте, как трудно было бы вам, будь вы одним из тех священников. Как бы вы поверили, что откровения, полученные этими простыми людьми, могли быть истиной? Естественно, прихожане думали, что если Небеса открыли эти глубокие истины таким необразованным людям, как они, то, конечно, такие же откровения будут даны священникам, и рассчитывали на понимание. И услышав от священников, что это работа злых духов, люди приходили в уныние, чувствуя, что им остается только возвратиться к своим молитвам и искать в них понимания. Осознание того, что священники были неправы, приводило прихожан в состояние безысходности. Такого рода явления были обычными в 1945 году, когда преподобный Мун впервые приехал в Северную Корею.

Вскоре молва об этом имеющем глубокие духовные знания человеке с Юга распространилась повсюду. Казалось, он мог дать объяснения тем откровениям, которые получали люди и которые не могли принять священники. Это так успокоило людей, что они уже не возвращались в свои церкви. Более того, многим людям, никогда не слышавшим о преподобном Муне, Бог говорил, что если они пойдут в определенное место, то встретят там молодого человека из Южной Кореи, который был именно тем, кого они ждали. Это происходило не раз и не два, а очень часто.

Люди, серьезно искавшие указания с Небес, приходили к преподобному Муну в надежде получить руководство, и многие из них оставались, чтобы учиться у него. Особенно женщинам было трудно приходиться когда им захочется, так как им запрещали родители. Именно для них прийти к преподобному Муну было жизненно важно.

Одним из моих первых воспоминаний о посещении Церкви преподобного Муна было его выступление, когда он более двух недель рассказывал о книге Послания к Римлянам в Новом завете. Это было в июле, самом жарком месяце в Корее. Церковь была очень маленькая, и комната размером 10x10 футов была полностью заполнена. В то время преподобному Муну было 27 лет, но уже тогда его проповеди были очень сильными. Мы все знаем его выносливость сейчас, когда ему около шестидесяти*, но во времена его молодости его учение производило эффект грома и молнии. Когда он заканчивал проповедь, его одежда была насквозь мокрая, как будто бы ее только что постирали. Он снимал рубашку и буквально выжимал из нее пот. Даже зимой его одежда никогда не была сухой. Может быть, кто-нибудь и мог вспотеть так летом, но у корейской зимней одежды очень толстая хлопчатобумажная подкладка для сохранения тепла даже в лютые морозы. Несмотря на то что хлопок впитывает влагу, после проповеди преподобный Мун выжимал одежду. Сейчас в расписание семинаров Церкви включены перерывы на еду и отдых, но в те дни не было расписания. Преподобный Мун начинал говорить и никогда не останавливался для перерыва. Мы были так поглощены, что могли слушать его часами. Мы даже забывали ходить в туалет! Вам может показаться, что проповеди преподобного Муна очень длинные, но они несравнимы с теми, которые он давал в ранние годы в Корее. Я очень удивился, когда, приехав в Америку, обнаружил, какими короткими были проповеди. В среднем проповедь в Корее длилась 6-8 часов и не сопровождалась переводом*. Здесь на нее ушло бы 16 часов.

Часто в Церкви происходили неприятные случаи, повторявшиеся и позже, когда Церковь переехала в Южную Корею. Иногда появлялись люди, намеревающиеся причинить какие-то неприятности или даже что-то более серьезное. Таких людей каким-то образом распознавал кто-то из членов, предотвращая инцидент. Духовность в такой обстановке походила на то, что все прихожане были захвачены духовным костром. Казалось, что по группе людей проходил электрический ток, и в такие моменты комната наполнялась жаром. Этот жар был очень интенсивный, но не неприятный. Он приносил мгновенное освобождение от всех волнений и переживаний, а иногда даже излечивал

болезни, утешал и облегчал боль. Когда преподобный Мун начинал говорить, люди были охвачены этим огнем, получая духовное прозрение. Они начинали плакать и каяться, но потом их печаль сменялась радостью и они начинали танцевать. У многих людей бывали боли в спине и проблемы с желудком, но как только их охватывал этот духовный огонь, они немедленно выздоравливали. Даже духовно закрытые люди наблюдали такое, хотя никогда не могли по-настоящему понять, что же произошло. Проповедь начиналась с интенсивной молитвы преподобного Муна.

На заре Церкви появлялось много слухов. Как-то раз преподобный Мун дал поесть одному богатому человеку, изредка посещавшему Церковь. У него были проблемы с пищеварением, он почти ничего не мог есть, но как только он поел, ему стало лучше. Когда преподобному Муну рассказали об этом, он рассмеялся и дал этому человеку еще. В конце концов проблема с желудком совсем исчезла. Поэтому люди стали говорить, что в Церкви есть “волшебная” еда. В самый разгар трудностей и преследований люди находили в этом какое-то утешение.

Несмотря на то что в течение многих лет корейских христиан учили об Иисусе, они были далеки от полноты понимания, чувствуя, что чего-то не хватает.

В ответ на их искренние молитвы они получали ответ из духовного мира и были очень рады, особенно если находили какое-то прояснение Библии. Когда преподобный Мун объяснял полученные ими откровения, они чувствовали, что ясно понимают их, и их первым желанием было пойти к священнику, так как они были уверены, что смогут донести до него все.

Понимать что-то и быть способным это объяснить — две разные вещи, и бывает очень трудно объяснить другим то, что нам кажется истиной. Когда люди приходили к священникам, то те не только не понимали их или не соглашались, а говорили прихожанам, что они ошибаются. Священники знали Библию более основательно, чем обычные люди, и очень часто люди под их влиянием меняли свои взгляды. Даже несмотря на то что получаемые откровения казались очень ясными, нередко люди не просто разубеждались, но и полностью теряли веру.

Тем не менее большинство последователей было не так легко разубедить и они оставались верными ранней Церкви. Они увидели безошибочное доказательство правильности полученных ответов. Если священники не соглашались с ними, люди просто покидали традиционные церкви.

Бывало так, что церкви зависели от пожертвований своих богатых прихожан и использовали их как пример для вдохновения других членов Церкви. Можно представить реакцию священников, когда такой “столп” их церкви уходил и следовал за молодым человеком из Южной Кореи. Они были серьезно обеспокоены, понимая, что церковь придет в упадок, если такое будет продолжаться. Это стало началом серьезных преследований нашей Церкви. Многие священники приходили вместе со своими членами Церкви и беседовали с этим молодым человеком, обсуждая Библию, надеясь доказать свою правоту прихожанину. Эти священники приходили и спорили с преподобным Муном. Преподобный Мун был очень чувствительным к намерениям людей и, казалось, всегда знал, какой вопрос приходившие священники хотели задать. Он тепло приветствовал входящих к нему людей, а затем сам поднимал их вопрос, давая при этом и ответ. На это нечего было сказать, и люди видели, что их священники просто ошарашены. Очень часто священник, вернувшись домой, начинал очень плохо говорить о преподобном Муне, но человек, которого тот сопровождал, знал, что это бессмысленно. Многие из очень негативно настроенных священников использовали свое положение и влияние для клеветы на новую церковь и ее лидера. Они доносили правительству, что преподобный Мун мешает их церквям. Конечно, в какой-то мере это было правдой, потому что он привлекал многих членов из их прихода. Используя эту критику со стороны священников, коммунистическое правительство обвинило преподобного Муна в нарушении общественного порядка.

Это первое преследование Церкви не имело никакой серьезной подоплеки. Оно не явилось результатом появления какого-то более высокого идеала, просто наносился урон финансовым ресурсам многих церквей, когда богатые прихожане начинали следовать за преподобным Муном. Используя свое влияние в обществе, эти священники поступали как им заблагорассудится и жаловались правительству.

У ранних членов Церкви было серьезное желание докопаться до истины. Когда они были вместе с преподобным Муном, они становились как дети, желая оставаться с ним часами. Для них его учение было важнее всего остального. И не имело значения, были они молодые или пожилые. Можно представить себе, что эти пылкие эмоции были неправильно истолкованы, но известно, что часто именно таким образом происходит возрождение христиан.

Даже до того как преподобный Мун начал проповедовать Принцип, многие духовно открытые люди получили откровение о том, каким образом произошло грехопадение человека. Как только человек узнавал эту истину, слушая Принцип или получив откровение, в его семье начинали происходить странные вещи. Очень часто, когда муж и жена становились ближе к Богу, они находили, что их тяга друг к другу уже не настолько важна, как раньше, и их отношения друг с другом начинали меняться. Если мужчина или женщина находят истину, то они начинают уделять меньше внимания своему супругу и больше — тем удивительным вещам, которые они обнаружили. В таком случае супруг может подумать, что, возможно, у его жены появился кто-то другой. Это было обычным явлением. Например, когда женщина приходила в нашу Церковь, то муж немедленно подозревал ее в чем-то подобном. Такое происходило даже с пожилыми парами, 50 — и 60-летними.

Если в Церковь приходила сразу супружеская пара, то им было гораздо легче понять друг друга, но такое случалось крайне редко. Обычно вера одного из супругов была сильнее. Такую ситуацию очень трудно было объяснить и принять в обычном браке. Жена больше служила своему мужу и проявляла больше уважения, но упорно отказывалась вступать с ним в половые отношения. Было ясно, что что-то изменилось. Раньше, если жена уходила в церковь и возвращалась домой поздно, муж обычно понимал это, даже если он и не был таким же преданным, как жена. Но после ее посещения Церкви Объединения он чувствовал, что что-то в корне изменилось, и он совсем ничего не мог понять.

Очень важно понять, как и почему начались преследования Церкви, потому что преследование в Америке имеет те же корни. Моя тетка — человек, который привел меня в движение, — была очень счастлива в браке. Желанием всей ее жизни было встретить Мессию. Когда она встретила преподобного Муна, то поняла, что встретила его, и посвятила себя его учению, потому что верила, что оно пришло к нему от Бога.

Во избежание непонимания дома, она стала лучшей женой своему мужу, служа ему и любя его больше. Тем не менее она воздерживалась от сексуальных отношений, но не потому, что ей так сказал преподобный Мун, а объясняя это тем, что получила откровение жить целомудренно до получения Благословения на брак в Церкви. Ее муж не понимал этого и пытался ее разубедить. Он не мог больше терпеть и начал обвинять преподобного Муна, думая, что его жена, возможно, влюбилась в него. В то же время она понимала, что не может нарушить указания, полученного с Небес.

Ее муж начал рассказывать о преподобном Муне людям, внушая им, что члены Церкви занимаются недопустимыми вещами и прелюбодействуют. Хуже того, он обнаружил, что все замужние женщины, посещающие Церковь, жили точно так же. Мужья собирались вместе и называли преподобного Муна еретиком, разрушающим их семьи. С их точки зрения, они были правы. Они утверждали, независимо от возраста их жен, что Церковь безнравственна. Так начались слухи о безнравственности.

Я рассказал о своей тете, как о примере, потому что это было реальностью не только для меня, но такое происходило в то время везде. Жалобы мужей послужили материалом

для обвинений, выдвинутых христианскими церквями против преподобного Муна. Они обвиняли его в разрушении семейной жизни, лишении мужей любви их жен и ведении безнравственной жизни в Церкви. Но он был абсолютно невиновен.

Я знаю его учение и то, что с самого начала он подчеркивал чистоту взаимоотношений. Более того, преподобный Мун никогда не просил женщин отказаться от интимных отношений в семье, но они сами чувствовали, что Бог напрямую вмешивается в их жизнь через откровения. В те ранние годы мой дядя, сильно напившись, буквально приходил в ярость из-за преподобного Муна. Члены Церкви видели его, бегущего по улицам, и очень тревожились за своего учителя. Мой дядя испробовал все возможное, чтобы заставить свою жену прекратить посещения Церкви. Только через 25 лет он рассказал, что все то время внимательно следил за своей женой. Он признался, что всегда чувствовал, что Церковь Объединения является настоящей христианской церковью. Потом он даже вдохновил своих детей присоединиться к ней.

В конце концов он пришел к преподобному Муну и сказал: “Пожалуйста, простите меня, я совершил ужасную ошибку перед Богом и вами. Пожалуйста, примите меня в свою Церковь”. С того момента он понял истинную ценность своей жены. Он любил ее больше всех, потому что осознал, какую большую веру она имела на протяжении всех этих трудных лет.

Он действительно раскаялся и надеется, что весь тот период его жизни может быть прощен, и его единственное желание состоит в том, чтобы быть похороненным на кладбище Церкви Объединения. Сейчас он является профессором ведущего университета в Корее и своим студентам говорит, что если они ищут настоящую церковь, то должны пойти в Церковь Объединения. Его коллегам известна репутация его жены в те годы, но он утверждает, что не знает другого такого чистого и незаурядного человека, как его жена. Все их дети присоединились к Церкви и несколько лет назад получили Благословение на брак от преподобного Муна.

Казалось, в те ранние дни преподобный Мун всегда плакал. Каждое утро и ночь он молился в слезах, часто по несколько часов. За каждого члена Церкви он молился по три раза в день.

Люди, приходившие в Церковь, менялись постепенно, но для их супругов эти изменения казались трагическими и неожиданными. После пятнадцати или двадцати лет семейной жизни человек вдруг коренным образом менялся в течение месяца. Стали ходить слухи, что в Церкви колдуют над людьми. Это вызвало требование о правительственном расследовании.

Можете себе представить, каким преследованиям подвергались члены Церкви и ее лидер. Начали печататься всевозможные статьи, порочащие нас, появились ложные заявления, распространившиеся затем по всему миру. И до сих пор люди верят все той же лжи, которая грузом лежала на членах Движения все эти годы. Преподобный Мун постоянно повторял, что единственный способ превзойти это насилие лжи — это все принять и простить обвиняющих нас; понять, что Бог находится в таком же положении в течение тысяч лет.

Проповедническая деятельность в Пхеньяне закончилась 22 февраля 1948 года, когда коммунистические власти арестовали преподобного Муна. Он пробыл в Пхеньяне год и 10 месяцев. Власти поверили, что в Церкви на самом деле занимаются колдовством. Распространяемая пропаганда имела успех, потому что она подробно объясняла, как за такое короткое время преподобный Мун сумел собрать столько последователей.

Несмотря на то что христианство и коммунизм не имеют ничего общего, некоторые христианские священники обращались к коммунистическим властям с жалобами на новую церковь. Они объединили свои силы с коммунистами для преследования другой церкви, несмотря на то что было абсолютно ясно, что эталон жизни преподобного Муна был, по крайней мере, не ниже их собственного. Коммунистические власти, как атеисты, были заинтересованы в преследовании преподобного Муна.

Коммунистам было достаточно уже того, что преподобный Мун был христианским лидером, а все слухи, распускаемые вокруг него, стали поводом, чтобы посадить его в тюрьму. Власти намеревались показать всю несостоятельность веры в Бога. Зал суда был переполнен, так как к тому времени личность преподобного Муна стала весьма спорной.

Преподобный Мун появился в зале суда в наручниках и с наголо обритой головой. Судья задал несколько вопросов о его личной жизни. И когда выяснил, что у преподобного Муна есть образование в области электричества, он спросил его, как получается электричество. Коммунисты утверждали, что так же, как невидимое электричество является созданием человеческого разума, так и концепция Бога — лишь плод человеческого воображения. Преподобный Мун понял, что судья намеревается подвести ход дела к критике религии, поэтому дал очень подробный ответ. Было очевидно, что он знал об электричестве гораздо больше, чем судья, который был раздражен и попросил преподобного Муна замолчать.

Коммунисты пытались доказать, что он обманывал людей, лишая их собственности. Словами можно как угодно играть, и за пожертвования, добровольно отдаваемые членами Церкви, преподобный Мун был назван эксплуататором невежественных людей. Очень легко таким образом обвинить лидера церкви, потому что церкви обычно зависят от вкладов их членов. Сегодня в Америке церкви работают по такому же принципу. Говорили, что он обманывает людей, преувеличивая истину. Они обвиняли его в том, что он все придумал сам. Сейчас в Америке его обвиняют в промывании мозгов, и это обвинение ничем не отличается от обвинений со стороны коммунистов в Северной Корее.

Когда судья зачитывал приговор, обвинение, выдвинутое преподобному Муну, заключалось в том, что он выдумывал вещи, не существующие в действительности. Закончив читать, судья спросил преподобного Муна, не хочет ли он что-нибудь сказать. Каждый понимал, что в данных обстоятельствах самым лучшим было просто согласиться, несмотря на всю несправедливость обвинения, чтобы в будущем коммунисты обходились с заключенным более снисходительно. Тем не менее преподобный Мун высказал протест против обвинения и потребовал его снятия. Он не просил сочувствия, а протестовал, говоря, что нес людям только истину. После такого сфабрикованного суда его приговорили к пяти годам тяжелого труда в тюрьме, обвинив в нарушении общественного порядка.

То достоинство, с которым он встал в таких неблагоприятных обстоятельствах и выступил против обвинения, поразило всех присутствующих. Они намеревались продемонстрировать беспомощность и слабость человека, верующего в Бога, но вместо этого они увидели очень уверенного и мужественного человека. Суд изначально планировался на 3 апреля, но был отложен до 7 апреля, чтобы дать возможность высокопоставленным коммунистам принять участие в суде и увидеть беспомощность верующего человека. Они хотели использовать этот случай также и для обучения молодых коммунистов, предостерегая их от обманов и трюков учения преподобного Муна. Они были очень разочарованы, приведя молодых коммунистов посмотреть на предполагаемого слабого человека. Процесс оказал эффект, совершенно противоположный их ожиданиям.

Я был восхищен тем, как он вел себя в зале суда. Я чувствовал, как он сохранял достоинство. Он держался очень естественно и стоял очень прямо в такой ситуации, когда любой другой был бы уже сломлен. Мои глаза были полны слез.

Единственное, что раньше чувствовали члены Церкви, — это сердце преподобного Муна, его теплоту и любовь. Они представляли его отцом, обнимающим своих детей. Но в зале суда они обнаружили другие черты характера преподобного Муна — его мужество, решимость, храбрость и бесстрашие. Даже во время вынесения приговора он не выглядел угнетенным и печальным. Его глаза и лицо сияли надеждой. После вынесения приговора на него надели наручники, но он поднял руки, как бы говоря членам Церкви не терять

надежду и не отчаиваться, а отстаивать свою веру. Когда его повели в тюрьму, он снова помахал рукой, улыбаясь и давая понять, что вернется и не надо терять духа. И он ушел.

Мы все плакали, но, как потом говорил преподобный Мун, по дороге в тюрьму он был полон надежды, что попадет в ситуацию, в которой Бог сможет творить великие дела.

Камеры предварительного заключения и камеры тех, кому уже вынесли приговор, находились отдельно друг от друга. Пока преподобный Мун находился там, он неожиданно столкнулся с человеком, дававшим показания против него во время судебного разбирательства. Этот человек не хотел его видеть, но преподобный Мун первым спросил: “Ты помнишь меня?” Тот человек не мог промолчать, поэтому ответил: “Да, конечно”. Потом он извинился и сказал, что сожалеет о содеянном им и что власти заставили его дать нужные им показания. Он сказал, что в глубине сердца никогда не желал зла преподобному Муну. Когда преподобный Мун находился в заключении, он носил ему еду. Спустя некоторое время судья, вынесший приговор преподобному Муну, посетил тюрьму, где тот отбывал срок. Судья тоже не хотел встречаться с преподобным Муну, но тот поздоровался с ним. Увидев, что преподобный Мун простил его, судья принес свои извинения, сказав: “Вы не должны были оказаться здесь. Я уверен в вашей полнейшей невиновности, но меня вынудили вынести вам приговор и не оставили иного выбора”. Перед тем как покинуть тюрьму, он принес еду преподобному Муну.

Итак, мы можем понять, что же происходило тогда на самом деле. Никто в действительности не верил в преступление преподобного Муна, но система была такова, что можно было начать любую процедуру. Хотя преподобный Мун был невиновен, он был осужден и приговорен. В тюрьме заключенных называют по номерам, а не по имени. Номер преподобного Муна был 596, что в корейской фонетике означает “досада”. Я чувствовал, что даже номер, данный ему, отражает печаль и боль Бога; Небеса хотели выразить свой протест против его заключения. 20 мая 1948 года преподобного Муна перевели из тюрьмы в Пхеньяне в особый концентрационный лагерь Тон-Ни в Хыннаме, на Северном побережье. Он очень сильно отличался от предыдущей тюрьмы. Прежде всего, еды было гораздо меньше, ее было настолько мало, что большинство людей уже через три месяца умирало от голода. Если бы человеку, съевшему такое количество пищи, не нужно было бы работать, он смог бы выжить, но заключенным приходилось тяжело трудиться.

Никто не надеялся выйти оттуда живым. Коммунисты отправляли туда людей работать, надеясь, что тяжелый труд постепенно убьет их. Труд был изнурительный, а людям давали мизерную порцию еды. Многие умирали прямо во время еды. Что бы вы почувствовали в такой обстановке? Посочувствовали ли бы вы умершему, думая: “Несчастный, умер...” Тюремная жизнь в Хыннаме была настолько тяжелой, что первой мыслью людей в такой момент было получить оставшуюся от умершего еду. Они набрасывались на остатки, даже не заботясь о том, что умер человек, забирая даже то, что осталось у него во рту. Жизнь в лагере была нечеловеческой и очень примитивной. Обычно цель заключения в Америке в том, чтобы исправить человека и вернуть его обществу полноправным гражданином, но цель тюрьмы, в которой находился преподобный Мун, была совсем другой. Вместо того чтобы сразу же убить заключенного, коммунисты вначале выжимали из него последние остатки энергии и сил. Люди, попадавшие в тюрьму, обрекались на медленную смерть.

Каждому полагалось одинаковое количество еды, что составляло примерно три горсти риса. Люди старались съесть свою порцию зернышко за зернышком, что создавало впечатление, что они едят много, так как они таким образом растягивали время. Когда преподобный Мун попал в тюрьму, он решил, что выживет в течение всех пяти лет заключения. Он прекрасно понимал, что не сможет выжить, просто потребляя такое маленькое количество еды и тяжело работая. Ему нужно было найти что-то для преодоления этого положения. Он решил половину своего мизерного рациона отдавать другим в течение трех месяцев. Он строго сказал себе, что проживет на половине рациона

оставшиеся пять лет. Когда же по прошествии трех месяцев он начал съедать все полностью, он сказал себе, что теперь, получая еды в два раза больше, он точно сможет выжить пять лет. Это придало ему сил, и он благодарил Бога за дополнительную еду, чувствуя, что это подарок Небес. Преподобный Мун смирился со своим положением и обрел уверенность, что сумеет выжить. В его камере находились люди, совершившие разного рода преступления. При коммунизме не имело значения, сколько заключенных умерло или уничтожено.

В камере был человек, нанятый коммунистами надзирателем, его звали г-н Пак. Преподобный Мун попал в черный список у охранников, и заключенным, которые следили бы за ним и давали бы о нем информацию, была обещана дополнительная еда. Преподобный Мун очень хорошо знал коммунистическую систему, поэтому он никогда не рассказывал о Принципе другим. Тем не менее однажды во время обеда он подошел к г-ну Паку и заговорил с ним. Если бы г-н Пак выступил против него, то его тюремная жизнь стала бы еще более невыносимой. Преподобный Мун сказал г-ну Паку, что Иоанн Креститель не выполнил своего долга по отношению к Иисусу. До того как попасть в тюрьму, г-н Пак был христианином, и когда он услышал это, то был просто в шоке. В завершение разговора преподобный Мун просто сказал: “Пожалуйста, подумай о том, что я сказал” — и ушел работать.

В ту ночь г-ну Паку не спалось несмотря на крайнюю усталость. Ему явился старец в белых одеждах и спросил: “Как ты думаешь, кто такой заключенный номер 596? Так как ты его не знаешь, ты не должен противостоять ему”. Так как г-н Пак не мог заснуть и чувствовал себя очень плохо, он пообещал старцу, что больше не будет противоречить преподобному Муну. В этот момент он почувствовал большое облегчение и боль прошла. На следующий день во время обеда преподобный Мун снова встретился с г-ном Паком. Как рассказывал потом г-н Пак, преподобный Мун сразу же спросил его: “Не случилось ли с вами чего-нибудь необычного прошлой ночью?” Г-н Пак очень удивился, что преподобный Мун знает, что что-то случилось. И он рассказал ему о событиях прошедшей ночи. Когда он закончил, преподобный Мун сказал, что Мария, мать Иисуса, не поняла своей ответственности по отношению к Иисусу. Услышав это, г-н Пак так расстроился, что забыл о данном им обещании. Он почувствовал, что совсем не может верить преподобному Муну. Тогда преподобный Мун снова попросил его подумать над сказанным.

Той ночью все тело г-на Пака ужасно болело, и он раскаялся, решив больше не противоречить преподобному Муну. После этого он опять почувствовал облегчение. На следующий день они снова встретились с преподобным Муну. Я не знаю, что он ему тогда сказал, но это должно было быть чем-то очень необычным, потому что, даже будучи наказанным в прошлые две ночи, г-н Пак отреагировал еще более бурно. Тогда ночью перед ним опять появился старец, спросив: “Неужели ты до сих пор ничего не понял?” После трех дней сопротивления г-н Пак стал вторым последователем преподобного Муна в тюрьме.

Его отношения с преподобным Муну были крайне важными; он стоял во главе 2 000 заключенных. Если бы он захотел, то мог бы создать ему невыносимые условия. Из-за своего положения этот человек испытывал огромное давление. Но 12 человек все же стали последователями преподобного Муна в тюрьме. Так как сам преподобный Мун редко говорил об этом, один из его последователей потом рассказывал о его жизни там. Даже я многого не знал о его страданиях до тех пор, пока об этом не рассказал кто-то из заключенных, ставших его учеником.

Один из них рассказал мне, что, проведя 2 года и 8 месяцев вместе с преподобным Муну в одной камере, он никогда не видел, что тот ложился спать. Даже в воскресенье, когда не было работы и все спали мертвым сном, преподобный Мун молился. В обычные рабочие дни заключенные засыпали, как только возвращались в камеру, потому что очень уставали. Но преподобный Мун всегда ложился спать последним, оставаясь молиться.

Когда утром надзиратель приходил, чтобы всех разбудить, преподобный Мун уже не спал и молился.

Г-н Пак сразу же почувствовал, что первое, что он должен сделать, — это найти более легкую работу для преподобного Муна. Он пытался найти самую простую работу и дать ему, но тот не соглашался. Вместо этого преподобный Мун искал самую трудную работу, делая это добровольно.

Преподобный Мун не считал возможным принять более легкую работу лишь потому, что она была предложена ему его последователем. Он никогда не выполнял легкую работу, а только самую трудную, то есть он грузил мешки с известью. Японцами во время оккупации было собрано огромное количество извести для использования в качестве удобрений, но у них не хватило времени и сил для ее упаковки. Коммунисты использовали заключенных для взрыва окаменевших гор извести, упаковки ее в соломенные мешки и погрузки на поезд. Работа была такой тяжелой, что когда на работу принимали мирного жителя, он получал годовую зарплату за семь месяцев работы. У коммунистов существует термин “норма работы”. До тех пор пока норма не была выполнена, заключенные должны были продолжать работу. В Хыннаме норма была 1 300 мешков, каждый весом около 40 килограммов. Каждая команда из 10 человек должна была погрузить на поезд 1 300 мешков. Если разделить 1 300 мешков на восемь часов, то можно себе представить, с какой скоростью нужно было переносить один мешок. Плюс ко всему, химические удобрения распространяли такой ужасный запах, что люди, проходившие мимо фабрики, должны были просто бежать, так как невозможно было его вынести. Представьте себе, как работали люди восемь и более часов в такой ядовитой атмосфере.

Заключенные должны были смотреть только вниз и передвигаться всегда должны были группой из восьми человек. Целью этого было предотвратить любой контакт, даже зрительный. Из-за постоянного изнурения и недоедания слюна заключенных становилась густой, как клей. Передвигаясь с места на место в лагере, они спотыкались, если оставались одни, часто даже не в состоянии двигаться дальше.

В камере жило 20 заключенных. В каждой камере стояло ведро, служившее туалетом, и никто не хотел подходить близко к нему. Каждому хотелось спать около двери, где воздух был более свежий, но преподобный Мун всегда спал около этого ведра. Это было самое ужасное место.

Раз в месяц заключенные должны были писать клятву верности, в которую также входила исповедь в плохих поступках. Преподобный Мун считал, что ему не в чем извиняться перед правительством. Он оставался непреклонным и за все время пребывания в тюрьме не написал ни строчки покаяния, несмотря на все трудности, которые ему приходилось из-за этого терпеть.

Иногда преподобный Мун просил членов Церкви в Пхеньяне прислать ему рисовую муку или одежду, которые он затем раздавал другим заключенным. Когда члены Церкви приходили навестить его, он никогда не был одет в ту одежду, которую они ему посылали, и они всегда спрашивали, дошла ли до него их посылка. Позднее они узнали, что он все отдавал другим и ничего не оставлял себе.

Родственникам заключенных разрешалось посылать им еду. В тех редких случаях, когда еда приходила, они съедали ее, а остатки использовали в качестве подушки, чтобы другие не украли ее. Но преподобный Мун просто оставлял лишнее где-нибудь в камере и, как только наступало время обеда, сразу же делил еду на всех. Он делал это так регулярно, что заключенные стали рассчитывать на получение определенной порции для себя, забывая, что эта еда принадлежит преподобному Муну и им дается как подарок. Обычно преподобный Мун не обращал внимания на то, сколько еще осталось еды, но другие зорко следили за этим. Они точно знали, сколько там было, так как они рассчитывали, что часть продуктов принадлежит им, и так как они были вечно голодные, то вели точные записи того, сколько еды осталось у преподобного Муна. Единственный,

кого не беспокоило уменьшение запаса еды, был преподобный Мун. Но другие точно знали, кто брал больше, если в мешке оставалось меньше еды, чем должно было быть. В то время как преподобному Муну не было до этого никакого дела, другие очень расстраивались, если кто-то брал лишнее, хотя им ничего и не принадлежало. Они могли ничего не говорить, но очень злились на вора. Они приходили к преподобному Муну, говорили: “Я знаю, кто взял больше, чем ему полагалось” — и выдавали человека. Позднее один из заключенных рассказывал членам Церкви об этом и о том, что преподобный Мун никогда даже ничего не говорил виновному.

Однажды после такого случая преподобный Мун собрал всех людей и сказал при них обвиняемому, чтобы тот взял столько еды, сколько захочет. Преподобный Мун предложил это очень искренне, но тот не осмелился взять, а только поклонился ему. Тогда преподобный Мун взял чашку и, наполнив ее едой, предложил ему съесть. Все собравшиеся там заключенные были возмущены и обижены; мало того, что этот человек украл еду, так еще и преподобный Мун дает ему дополнительную порцию.

Часто, если вы являетесь лидером небольшой группы людей, они приходят к вам с жалобами друг на друга. Но если обвиняют дорогого вам члена вашей семьи, что вы будете делать? Люди обычно знают, когда они неправы. Совсем необязательно кому-то им на это указывать. Если мы прощаем человека, ему кажется, что на него взвалили неподъемную ношу. Это прощение заставит его исправиться гораздо быстрее, чем если указывать на его ошибки и спорить.

Мать преподобного Муна жила в 1 500 ли, или 150 милях, от тюрьмы. Тогда не было нормального транспорта, и такое путешествие для пожилой женщины было очень нелегким. Тем не менее она собирала одежду и еду для преподобного Муна и приносила их в Хыннам. Между матерью и сыном были удивительные отношения, она очень любила его.

Однажды, когда преподобный Мун еще учился в Японии, она получила от него телеграмму, в которой он сообщал, что возвращается назад в Корею на корабле и потом на поезде приедет в их деревню. Но тот корабль, на котором должен был приплыть преподобный Мун, затонул, и все люди погибли. Об этом напечатали в газетах, но она все равно ждала прибытия поезда, надеясь, что он все-таки приедет. Но преподобный Мун не приехал, ничего не написал и не послал телеграмму. Его мать, буквально потеряв рассудок, пошла пешком в Пусан и искала его там повсюду. Ей негде было переночевать, поэтому, не найдя его, она вернулась домой. Преподобный Мун рассказывал, что ее одежда по возвращении домой была вся изодрана и она потеряла свои ботинки. Она совершенно обезумела, не помня ни где она была, ни с кем разговаривала. У нее еще теплилась какая-то надежда на то, что ее сын, которого она так, любила, был жив.

Преподобный Мун потом рассказывал, что в тот день он шел на корабль, как и планировал, но внезапно его ноги отяжелели и он не мог двигаться. Тогда он понял, что что-то не так, и не поехал на этом корабле, а поехал позже.

В те ужасные дни, когда преподобный Мун находился в тюрьме, его мать приготовила для него много вещей и с сердцем, полным любви, принесла все ему. В ее глазах он все еще был ребенком. Ей было больно смотреть на своего сына, одетого в тюремную одежду и с обритой головой, и она плакала. Но преподобный Мун отчитал ее, сказав, что если она плачет из-за ужасных условий, в которых находится ее сын, то не должна никому показывать своих слез.

Почему преподобный Мун так поступил со своей матерью? Он чувствовал, что если бы она плакала от гордости за своего сына, который, несмотря на страдания, трудился во имя Небес и земли, то он бы заслуживал ее слезы. Но если она плакала от жалости к нему, он не мог принять этого и упрекнул ее.

Возможно, мать преподобного Муна и понимала какую-то часть Принципа, но все-таки ее сердце не могло вынести страданий сына, отдающего всю еду, которую она

приносила ему, другим людям. Она пыталась относиться к этому спокойно, но не могла не плакать, видя это.

По дороге домой она посетила Церковь в Пхеньяне и сказала членам, что как только ее сына освободят, она никогда не позволит ему выйти из дома, а будет держать при себе и заботиться нем. Она так горячо любила его, что не могла без боли смотреть на его страдания, даже если он делал все для других. Она говорила, что, если бы он хотя бы немного заботился о себе, она бы переживала меньше.

Она в унынии приходила домой из тюрьмы. Ее обижало, что он не понимает сердца матери, а собирает всех заключенных и прямо при ней раздает им все, что она принесла, ничего не оставляя себе. Бывало, она говорила, что больше никогда не придет к нему, но принятое решение было недолговечным и вскоре она снова собирала ему вещи.

За два года и восемь месяцев пребывания в тюрьме преподобный Мун нашел по крайней мере 12 последователей. Один из них в прошлом был президентом христианской федерации в Северной Корее. Он решил следовать учению преподобного Муна, как только выйдет из тюрьмы. В нескольких милях от их тюрьмы было ее отделение. Заключенные считали, что жизнь там гораздо легче, чем в Хыннаме, и этот человек попросил разрешения преподобного Муна пойти туда. Несмотря на отрицательный ответ, он все равно решил уйти. Еще один человек, г-н Ким, пришел к преподобному Муну с такой же просьбой. Преподобный Мун позволил ему, но сказал, что, как только тот почувствует что-то неладное, он должен попытаться убежать.

25 июня 1950 года началась Корейская война с неожиданного обстрела Южной Кореи северокорейскими солдатами. Хыннам был центром тяжелой промышленности Северной Кореи и вскоре стал объектом бомбардировки войск ООН с самолетов и кораблей. Как только раздавался сигнал воздушной тревоги, все работники тюрьмы бежали в убежище, оставляя заключенных на открытой местности на произвол судьбы. Однажды, услышав обычный сигнал, преподобный Мун почувствовал неладное и побежал в противоположном направлении, сказав людям оставаться вместе с ним. В тот же самый момент бомба взорвалась как раз в том месте, где они только что стояли, отбросив их в сторону взрывной волной.

Северная Корея даже и не ожидала, что весь мир отреагирует на их вторжение в Южную Корею, но вскоре все больше и больше американских бомбардировщиков и воинских частей вступало в войну, отбрасывая назад войска Северной Кореи. Войска ООН высадились около Хыннама перед наступлением на Пхеньян, находившийся южнее. После высадки генерала Мак Артура в Инчоне войска должны были идти в Сеул, Чорон, Пхеньян и затем в Хыннам. Тюремное отделение находилось как раз на пути наступления войск, поэтому коммунисты, застигнутые врасплох, начали повсеместное уничтожение заключенных, чтобы не допустить их освобождения.

Прежде всего заключенным было сказано запастись едой на три дня, чтобы они ничего не заподозрили. Затем их выстроили в шеренгу и дали каждому лопату. Заключенные и не догадывались, что трехдневный запас еды им не понадобится и что вместо этого они пойдут в горы за тюрьмой, где выроют сами себе могилы и будут расстреляны. После уничтожения одной группы заключенных приводили другую.

Преподобный Мун чувствовал, что что-то не так, и понял, что заключенных просто уничтожали. Он знал, что приближается его черед. (Конечно, он никогда не делился со мной, что он чувствовал в то время.) Уже были уничтожены люди из всех камер, находящихся рядом с его. Дошла очередь и до тех, кто находился в одной камере с преподобным Муном. Если бы назвали его имя, никакой возможности убежать уже не было бы. Преподобный Мун знал, что приближается критический момент.

Как выяснилось позже, заключенный, который ушел в другое отделение тюрьмы, не послушавшись совета преподобного Муна, был казнен. Г-ну Киму, наоборот, удалось бежать, когда вместе с другими его вели на расстрел, и позднее он присоединился к преподобному Муну на Юге.

Преподобный Мун часто говорит с людьми в спокойной, ненавязчивой манере. Он не просто раздает указания, настаивая: “Вы не должны делать то; вы должны делать это”. Во время еды или во время прогулки преподобный Мун может сказать: “Я думаю, тебе лучше поступить так. Мне не очень нравится, как ты делаешь сейчас”. Мы не можем легкомысленно относиться к этому, так как по своему опыту знаю, что каждое его слово имеет значение.

В разгар войны 16 наций объединились в войска ООН в борьбе за освобождение этой маленькой страны — казалось бы незначительного полуострова Кореи. Во время этого наступления на север войска ООН освободили преподобного Муна из тюрьмы Хыннам.

Несмотря на опасное и смутное время, преподобный Мун вернулся в Пхеньян и посетил дома всех членов Церкви, бывших с ним до того, как он попал в тюрьму. Если преподобный Мун не мог лично навестить чей-то дом, то посылал кого-нибудь с запиской, что он вернулся и хочет поговорить с человеком. За десять дней он прошел 150 миль в Пхеньян и в течение 40 дней посещал дома своих последователей. Он находился там до последнего момента, когда ему уже просто пришлось бежать от вторгнувшихся в Корею войск Китая.

Лишь некоторые вещи смог взять с собой преподобный Мун из тюрьмы, среди которых был маленький мешочек рисовой муки. Он шел десять дней, сохраняя этот мешочек, чтобы принести его в Пхеньян. Нигде по дороге не было еды — все, что осталось в полях, было старым или сгнившим. Но он ел эти остатки урожая, сохраняя мешочек муки, в надежде, что сможет разделить его с членами Церкви в Пхеньяне. Когда они собрались вместе, он смешал муку с водой, сделав густой пудинг. Он рассказал им, что в тюрьме ему приходилось так питаться, и они разделили пудинг на всех.

Несмотря на пройденные им ужасы Хыннама, преподобный Мун хотел привезти своим последователям подарки. Из всего, что он мог привезти, самым дорогим была еда, потому что она означала жизнь. Сейчас редко можно встретить людей, которые, получая что-то очень ценное для них, сохраняют это, чтобы поделиться с другими. Большинство людей отдают то, что у них имеется в избытке. Я рассказал вам об этом, чтобы у вас было небольшое представление об отношении преподобного Муна к членам Церкви.

Вскоре после его освобождения из тюрьмы китайские войска вступили в войну. Они послали в Корею тысячные отряды, и на защиту были брошены войска ООН. Был дан приказ эвакуировать Пхеньян, и толпы беженцев двинулись с севера на юг. Г-н Пак вернулся в Пхеньян раньше преподобного Муна и обещал повсюду следовать за ним. Но, к несчастью, он сломал ногу и был оставлен в доме своей сестры. Преподобный Мун послал меня за ним. Когда я пришел к нему, вся его семья уже ушла, забрав с собой все и оставив ему только велосипед. Он думал, что к этому времени преподобный Мун уже вернулся из Хыннама, но не получал от него никаких известий. Вполне понятно, что он был немного раздражен тем, что после своей клятвы в верности преподобному Муну ничего от него не слышал. Когда я сказал ему, что он поедет с нами, он так обрадовался, что проплакал несколько ночей, раскаиваясь в том, что так легко потерял доверие. Я посадил его на велосипед и привез к преподобному Муну.

Раньше велосипеды были не такие, как сейчас, у них не было сзади багажника. Из-за сломанной ноги г-н Пак не мог крутить педали, поэтому преподобный Мун толкал велосипед сзади и единственное, что ему оставалось, — это рулить. Был декабрь, и уже выпал снег. Я шел сзади, неся тяжелый мешок. Наш путь начался 4 декабря.

Все были уверены, что войска ООН одержат победу очень быстро и что их эвакуация только временная; они надеялись вскоре вернуться. С того момента прошло уже 28 лет. Все очень торопились, потому что сзади были слышны выстрелы и все думали только о том, как спастись.

Ту дорогу, по которой они шли, трудно было даже назвать дорогой. Основные шоссе были переполнены войсками, и даже передвижные госпитали двигались очень медленно. Не было даже протоптанных тропинок, поэтому люди шли ухабистыми горными

дорогами и тропами животных, которые то поднимались вверх, то спускались. Хотя люди отчаянно пытались идти как можно скорее, но пересечь страну быстро было невозможно. Войска Китая и Северной Кореи преследовали их, и путешествие было очень опасным и непредсказуемым. Всегда была вероятность быть схваченным или убитым.

Вскоре группа дошла до холма и остановилась у подножия для отдыха. Когда пришло время подниматься, г-н Пак сказал преподобному Муну, что из-за него все люди подвергаются серьезной опасности и что лучше оставить его одного. Но преподобный Мун строго заявил, что они находятся вместе с г-ном Паком не по собственному желанию и что их единство представляет собой нечто большее. Он сказал, что никогда не оставит его, пока Сам Бог не скажет ему об этом, так что г-н Пак больше об этом не заговаривал.

Трудно представить себе этот путь на Юг, через холодные дожди, снег и лед, переход через горы, без еды, толкая перед собой человека со сломанной ногой на разбитом велосипеде. Это было невероятно тяжелое путешествие. С этим велосипедом нам приходилось переходить через поля, горы, ручьи и реки.

Путь на Юг проходил через небольшой участок моря шириной в 2,5 мили. В Инчоне, на западном побережье Кореи, разница в уровне воды между приливом и отливом самая большая в мире — около семи метров. Во время отлива обнажается суша, которую нужно очень быстро пересечь, пока не начался прилив. В тот день мы прошли 12 миль, что было большим достижением, прибыв на место около двух или трех часов утра. Преподобный Мун нес г-на Пака на спине, хотя они весили одинаково, что было очень трудно, потому что нужно было идти по замерзшей земле. Я же нес на плечах велосипед.

Зимние ночи в Корее очень темные. К счастью, на другом конце острова был зажжен факел, но это был единственный источник света, и ничто не освещало нам дорогу. Идти было очень опасно, потому что в некоторых местах оставались ямы с водой. Некоторые из них были глубокими, а другие мелкими, но для нас это не имело никакой разницы. Весь берег был из грязи, песка не было, так что не только было скользко, но и можно было провалиться в грязь по колено, если долго стоять на одном месте. Постепенно нога г-на Пака начала заживать, но если бы он сломал ее снова, это привело бы к серьезным осложнениям. Он не мог даже сгибать ногу и держал ее все время вытянутой, день за днем в гипсе. При приближении к острову нужно было сесть на небольшой паром, чтобы пересечь остаток пути. Нам не удалось сесть на него, так как нам объяснили, что он забронирован только для военных. Всю дорогу назад я нес велосипед, а преподобный Мун — г-на Пака.

Было невероятно трудно начинать переход, но теперь, казалось, это сделать совсем невозможно. Преподобный Мун вдохновлял нас, говоря, что в определенном месте нас ждут и для нас приготовлен ужин. Это придало мне сил, и я мог продолжать идти. Мы пошли назад тем же путем.

Позднее я спросил преподобного Муна, как он мог нести г-на Пака так долго в таких тяжелых условиях. Он ответил, что чувствовал, что этот человек представляет всю Вселенную. Преподобному Муну свойственно такое отношение, что бы он ни делал, он делает это не просто из-за одного человека, а потому, что этот человек представляет собой многих людей и в конечном итоге — весь мир. Когда преподобный Мун смотрит на кого-то из нас, он не просто видит одного человека, а любит его как представителя многих людей.

К тому времени когда мы дошли до места, начали сгущаться сумерки. В том месте, где начиналась твердая поверхность, была проверка людей для обеспечения безопасности деревни, и когда они увидели коротко остриженного преподобного Муна, они приняли его за солдата северокорейской армии. Один даже остановил преподобного Муна и ударил его. Он просто не понял ситуацию, зная, что у солдат Южной Кореи волосы гораздо длиннее, чем у коротко остриженных северных корейцев. Он спросил, что за профессия была у преподобного Муна. Тот ответил, что он священник, только что убежавший из тюрьмы в Северной Корее и идущий на Юг. Тогда для проверки охранник взял Библию,

открыл ее и попросил преподобного Муна процитировать первый стих из Евангелия от Иоанна, главы 16. Немедленный ответ произвел впечатление на охранников, и они отпустили нас.

Вскоре мы увидели дом с горящим в нем светом и постучались. Нас очень тепло приняла молодая семейная пара, жившая там, накормив нас прекрасной едой и отведя нам лучшую комнату. Только на следующий день я вдруг вспомнил, как преподобный Мун вдохновлял нас, предсказывая вкусную еду.

С восходом солнца мы покинули тот дом, остановившись снова на закате. Идти ночью было практически невозможно, даже если нам очень хотелось, из-за гористой местности. По дороге нам встречались дома, оставленные беженцами. Мы останавливались в одном из них на ночь, а утром уходили. Однажды нам удалось идти всю ночь и только к рассвету мы пришли в маленькую деревушку. Мы нашли подходящий дом для отдыха. Когда бы мы ни останавливались в доме, моей задачей было развести огонь и согреть пол для сна. В том месте совсем не было дров для костра. Единственным выходом было сжечь дверь или еще что-нибудь, но это означало бы, что придется спать на открытом воздухе.

Я пытался найти что-нибудь, что могло бы гореть, хотя бы сухую траву, но ничего не было. Я продолжал ходить, пока наконец не наткнулся на холм, где была небольшая могила. За могилой я увидел носилки, сделанные из соломы, поддерживаемые двумя шестами. Я принес шесты и с их помощью развел костер, только потом осознав, что на этих носилках люди принесли хоронить мертвеца и в спешке оставили их.

Мы все очень устали, и несмотря на то, что пол был очень холодным, преподобный Мун и г-н Пак легли. Я развел огонь и ждал, пока пол прогреется, когда преподобный Мун позвал меня из другой комнаты; он даже не открывал дверь, а просто крикнул и спросил, какое дерево я жгу. Я рассказал ему, что, не найдя ничего подходящего, принес два шеста с могилы на холме. Тогда он сказал мне, что не всякое дерево件годно для костра. Хотя он находился в соседней комнате, он точно почувствовал, что я делал.

За следующий день мы прошли еще несколько миль и пришли в дом, в котором уже собралось множество беженцев. Мы поели и в тепле почувствовали, как сон начал спускаться на нас и давить свинцовой тяжестью. Мы с г-ном Паком спросили преподобного Муна, останемся ли мы здесь ночевать. Обычно он говорил “да”, но в тот вечер сказал, что нам лучше пойти. Мы несколько раз переспрашивали, не лучше ли будет здесь отдохнуть, а утром отправиться дальше. После первого отказа преподобный Мун больше не отвечал на наши вопросы, а просто встал и сказал, что лучше идти. Итак, мы снова тронулись в путь.

Несмотря на невероятную усталость, мы продолжали идти и около часа ночи пришли к месту, где преподобный Мун решил отдохнуть. На следующее утро нужно было пересечь широкую замерзшую реку. Мы увидели самолет, облетающий местность, окружающую нас, и слышали грохот артиллерийского орудия. На другом берегу реки мы увидели войска Соединенных Штатов. Армия занимала новую оборонительную позицию. Из-за надвигающегося сражения в тот день было решено, что больше ни одному беженцу не будет позволено перейти реку, и мы оказались в числе тех последних, кто смог покинуть Север. Только тогда я понял, почему он не отвечал на наши настойчивые просьбы остаться ночевать в том доме. Если бы мы остались, то попали бы в блокаду.

Когда мы наконец пришли на Юг, то оставили г-на Пака в доме его родственников, а сами отправились дальше. В очень маленьком городке Улсан мы забрались на поезд на станции Чорян. Несмотря на то что холодный воздух, пронесившейся за поездом, словно ножом пронзал наше тело, мы чувствовали, что это было все-таки лучше, чем идти пешком. Мы буквально повисли на поручнях поезда, спасая свою жизнь, и ехали так к Пусану, выйдя в том месте, где сейчас находится огромный гражданский центр. Это было 27 января 1951 года. Сейчас в Улсане находится самая большая в мире судоверфь.

Единственный, кого мы знали в Пусане, был бывший студент преподобного Муна. Мы переночевали в его доме. Потом я пошел искать работу и комнату, где мы могли бы остановиться. Вскоре я встретил бывшего одноклассника преподобного Муна, г-на Дон-Мун Ома, который пригласил его жить с ним. Я нашел работу в ресторане и жил неподалеку.

Конечно, г-н Ом и не догадывался, кем был преподобный Мун, кроме того, что он был хорошим другом. Он никогда не думал о нем как об учителе, но преподобный Мун сразу же начал учить его разным вещам. Хотя г-н Ом вышел из буддистской семьи, однажды ему приснилась сестра Иисуса. Г-н Ом совсем ничего не знал ни об Иисусе, ни о Библии, но эта женщина, представившись младшей сестрой Иисуса, сказала, что очень обижена из-за ошибки, совершенной в ее семье. Она сказала г-ну Ому, что есть сейф, внутри которого еще один сейф, и внутри этого еще один, и до тех пор пока этот последний не будет открыт, ее положение не изменится. Она сказала, что на земле существует только один человек, у которого есть ключ, и что этот человек — учитель Мун. Г-н Ом понял, что может многому научиться у своего гостя.

Вскоре преподобный Мун встретил г-на Кима, который стал его первым учеником в тюрьме. Он недавно женился. Так как они были всего лишь беженцами, свадебная церемония была очень простой. Как только он встретил преподобного Муна, он привел его в свой дом. У молодоженов была всего одна комната, где было совсем мало мебели и немного утвари, но они пригласили преподобного Муна пожить там две недели.

Когда я работал в ресторане, преподобный Мун и г-н Ом пришли навестить меня. Это очень вдохновило меня, так как я смог теперь увидеть г-на Ома и узнать что-то о его прошлом. Благодаря этому незначительному событию я почувствовал большую надежду и ощутил себя членом большой семьи.

Помню, в те дни преподобный Мун всегда был голодным. Когда он приходил с кем-нибудь в ресторан, я всегда просил разрешения у своего начальника дать что-нибудь поесть своему уважаемому учителю. Когда преподобный Мун пришел в первый раз, владелец ресторана открыл для него отдельную комнату и накрыл стол. Первая миска с рисом очень быстро исчезла, тогда я принес еще одну, обнаружив вскоре, что и она пуста. Так я понял, насколько он был голоден.

В доме г-на Кима преподобный Мун начал записывать начальный вариант Божественного Принципа. Так как он не мог долго оставаться у г-на Кима и его жены, то спросил, нет ли в том месте, где я живу, лишней комнаты, и мы пошли посмотреть ее. В то время Пусан был единственным городом, свободным от военной оккупации. Тысячи беженцев собрались там, и места для жилья не хватало. Если у вас была комната, вам повезло. Временно мы с преподобным Муном жили в комнате, в которой могли спать лишь два или три человека, тесно прижавшись друг к другу. Даже невозможно было полностью вытянуться. Часто приходил г-н Ом и оставался с нами. Он не мог даже лечь, а спал, прислонившись к стене.

Как только преподобный Мун просыпался, он сразу же начинал записывать Принцип. Когда он записывал несколько страниц, я их ему перечитывал, и мы вместе вносили поправки. Так продолжалось несколько дней. К нам приходило много людей — бывшие заключенные, беженцы с Севера и те, кто узнавал, что он был в Пусане. Они вместе шли молиться на холм рядом с домом. Иногда он ходил туда один и медитировал. Когда приходил г-н Ом, преподобный Мун просил его спеть, и тот пел часами. Преподобному Муну нравилось слушать пение. В свободное время он собирал камни и глину, из которых потом построил маленькую хижину на склоне Пом Нэт Кол в области Пом Ил Дон в Пусане.

В то время мне удалось получить работу в качестве ассистента художника в составе армии Соединенных Штатов. Однажды я нарисовал небольшую картину, и когда преподобный Мун ее увидел, он предложил мне рисовать больше. Один из моих коллег в Армии делал наброски с фотографий, и солдаты потом посылали их своим женам, семьям

и друзьям. Пока он тем самым зарабатывал дополнительные деньги, я доделывал то, что он не закончил. Он чувствовал себя очень неловко и предложил мне тоже подрабатывать, помогая ему.

Первое, что я должен был нарисовать, — это портрет негритянки. До этого я никогда в жизни не видел черного человека! Так как фотография была черно-белой, я никак не мог понять, каким цветом закрашивать ее лицо. После четырех часов мучений я закончил работу. Будучи очень неуверенным, я принес готовый портрет, думая, что если он понравится только ему, даже если он за это не заплатит, я буду удовлетворен. К моему удивлению, ему действительно понравилось и он похвалил меня. Он не только заплатил мне больше ожидаемого, но и дал больше заказов. Так я стал профессионалом.

Я заметил, что с ростом числа членов Церкви в Пусане я получал все больше и больше заказов, что очень поддерживало нашу деятельность. Рисование портретов было только частью моей работы художника. Закончив работу, я забирал все свои заказы, приносил их в Церковь и продолжал работать над ними там. Обычно я заканчивал к десяти или одиннадцати часам вечера. Вскоре я обнаружил, что к моему приходу преподобный Мун все подготавливал для меня — раскладывал краски, кисти и бумагу. Он никогда не оставлял меня одного, а сидел рядом с самого начала до конца, не отрывая глаз от работы, полностью концентрируя на мне свое внимание. Когда я заканчивал, то так уставал, что сразу же ложился спать. Наутро я находил все мои работы аккуратно подрезанными и свернутыми для удобства переноски.

Если я затруднялся в выборе цвета, преподобный Мун всегда давал мне совет. Когда я стал получать много заказов, то я просто лишь рисовал силуэт, а он раскрашивал. Потом я стал рисовать только лица, а он доделывал все остальное — одежду и фон. Затем он стал добавлять различные детали. Это означало, что за ночь мы могли сделать 15-20 рисунков. У нас всегда было много заказов, но мы вдвоем справлялись с ними. Обычно мы заканчивали в час или два утра.

Человек, увлеченно занимающийся своим делом, не чувствует усталости, но человек, наблюдающий за его работой часами, начинает засыпать. Когда же я рисовал, преподобный Мун не мог ничего делать. Он просто смотрел и учился тому, как я рисовал фон, одежду, волосы. Я всегда думал, что он, должно быть, устал, часами наблюдая за мной. Я очень уставал, но, глядя на него и думая, что он, наверное, устал больше, набирался сил и продолжал.

Все заработанные мной деньги я приносил в Церковь. Но к концу месяца нам опять денег не хватало. Первое, что мы покупали, — это месячный запас риса, потом дрова и керосин. А затем мы покупали сушеную рыбу и соевый соус. Я питался в военной части, но преподобный Мун готовил все сам.

Мне легко было догадаться, куда девались деньги. Часто люди, слыша о преподобном Муне, приходили к нему. Многие из них были очень способными, но бедными, так как не имели работы, чтобы зарабатывать деньги. И преподобный Мун кормил их и давал деньги на проезд, так что деньги быстро заканчивались. Он подробно объяснял мне, на что потратил деньги и сколько дал каждому человеку. Мне было очень неудобно и казалось, что он объясняет мне все так подробно, считая, что я обеспокоен судьбой денег, и он хотел развеять все сомнения.

Когда я возвращался домой поздно, преподобный Мун всегда выходил меня встречать, и мы шли домой вместе. Иногда посреди ночи я просыпался от рыданий или пения. Я так уставал, что порой даже не понимал, что происходит, но позднее узнал, что преподобный Мун не спал, а горячо молился в слезах и пел песни.

Часто он ходил на холм в крошечную тьму, а иногда даже будил меня, чтобы я тоже пошел с ним. Он оставлял меня молиться в одном месте, а сам уходил далеко на скалы и молился там. Однажды рано утром он разбудил меня, попросив включить свет и приготовить бумагу и ручку. Было очень темно, и лишь одна лампа давала какой-то свет.

Он сказал мне записывать то, что он будет говорить, и начал диктовать главу из Принципа о Втором пришествии Христа.

Он не останавливался, пока не продиктовал всю главу. Обычно тот, кто пишет, перечитывает текст, делая пометки и исправляя. Но он продолжал диктовать и на одном дыхании закончил целую главу. Все остальное он записал сам, но именно эта глава была продиктована мне и записана мной, а не им.

Около нашей хижины на склоне холма находился источник, и люди приходили туда, чтобы набрать воды. Они знали, что здесь живут два очень искренних молодых человека. В то время там было два миссионера — мужчина и женщина, и они решили познакомить нас с Христом. Один из них пришел к нам проповедовать.

Эта молодая женщина пришла с огромной надеждой обратить нас в свою веру. Я уже ушел на работу, а преподобный Мун ходил по холмам, надеясь встретить кого-нибудь из членов Церкви. Она долго ждала нас и наконец увидела преподобного Муна, который, вместо того чтобы говорить с ней на улице, привел ее в дом. Позже она рассказывала членам, что, как только они вошли в комнату, преподобный Мун начал говорить, не давая ей произнести ни слова. Он говорил о провидении Бога и о будущем христианства, о таких вещах, что она с трудом могла уловить их смысл. Тем не менее все, о чем он говорил, звучало достаточно убедительно и разумно, но, глядя вокруг, она с трудом могла поверить, что отсюда могут начаться мировые изменения.

Так как молодая женщина уже очень давно вошла в дом и оставалась там долгое время, она начала беспокоиться о том, что скажут люди, и, пожелав всем спокойной ночи, ушла. Но слова, которые она услышала, не выходили у нее из головы, и рано утром на следующий день она снова пришла послушать. Она была выпускницей семинарии. Преподобный Мун попросил ее открыть Библию и прочитать вслух один стих. К ее удивлению, это был именно тот стих, который мучил ее долгое время и на который она так долго искала ответ. Она сказала, что благодаря преподобному Муну обрела понимание смысла этого стиха, а потом вспомнила и об остальных стихах, которые не могла понять. Безошибочно, в следующие несколько мгновений он сказал ей открыть Библию на определенном месте, и, к ее большому удивлению, это было именно то, о чем она думала. Если бы свидетельство было всегда таким, то как было бы просто! Вскоре она стала членом Церкви.

Дав ей немного денег, преподобный Мун попросил ее поехать в Тэгу и основать там новый центр Церкви. Она была полна надежды, что сможет вдохновить своего бывшего священника, как когда-то ее вдохновили, думая, что он поймет Принцип быстрее, чем кто-нибудь другой. Она также посетила своих прежних знакомых. Должно быть, ей приходилось много плакать, потому что с ними у нее ничего не получалось. Она ходила свидетельствовать, надеясь найти кого-нибудь, кто может понять ее и стать членом Церкви, найти подготовленного Небом человека.

Однажды, идя по улице, она почувствовала необходимость остановиться в одном месте. Она чувствовала всю безотлагательность ситуации и поняла, что здесь должен находиться человек, которого она искала. Скоро она встретилась с женщиной, которая сказала, что видела ее во сне прошлой ночью. Этой женщине, которая стала первым человеком в Церкви в Тэгу, приснилось, что к ней придет в гости миссионер, к которому нужно очень бережно относиться.

Преподобный Мун рассказывал нам, что так скучает по уехавшим членам Церкви, как будто они его собственные сыновья и дочери. Такое испытывали почти все члены Церкви, особенно те, кто не мог приходить туда постоянно. Так, одна из старших членов Церкви имела большие проблемы с семьей, которая возражала против посещения ею Церкви. В течение многих дней она поднималась на балкон своего дома и смотрела в сторону Церкви, надеясь, что преподобный Мун выйдет на улицу или кто-то из членов Церкви пройдет мимо. Если бы у вас было бы такое отношение к членам Церкви, то вы не

смогли бы оставаться вдалеке от них и они никогда не забыли бы вас. Они всегда жили бы в вашем сердце.

Как написал преподобный Мун в песне “Благодать славы”, сочиненной им в тюрьме: мы хотим вернуть Богу все, что Он сделал для нас, но чем больше мы хотим отдать, тем больше замечаем свои недостатки. Эти слова отражают суть его учения. Чем больше он хочет сделать для Бога, тем больше он понимает, что может сделать еще больше. Я чувствую, что его жизнь можно охарактеризовать этой любовью, которую он дарит всем, прощая их ошибки и чувствуя, что все еще дал недостаточно.

БЛАГОДАТЬ СЛАВЫ

Славы свет над миром сияет,
Пробуждая жизнь во мгле.
Дух свободы воспрянет
С новой силой на святой земле.
Склоны гор и долины,
Просыпайтесь, встаньте скорей.
Вечно пусть воссияет возрождения свет.
Вечно воссияет пусть возрождения свет.

Слышит сердце зов славы вечной
Через тернии веков.
Мир творения предвечной
Возвратит великая любовь.
Чье же сердце забьется,
Кто ответит зову Его?
Как предстать я могу пред Ним, как мне жить для Него?
Как предстать могу пред Ним, как мне жить для Него?

Через смерть пройдя, я единым
Навека стою пред Ним.
Он мне дал жизни силы,
Он меня прижал к Своей груди.
Голос ласковый слышу —
Утешение в грозные дни.
Мы навечно разделим славу в радости с Ним.
Мы навечно разделим славу в радости с Ним.

Как прекрасен мир славы вечной,
Дар бесценный и святой!
Жизнь в любви бесконечной
Открывает благодать Его.
Вновь горит мое сердце
Благодарным светом полно,
Но так мало то сердце, чтоб прославить Его.
Но так мало сердце, чтоб прославить Его.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

(Очерк “Переход через границу” рассказывает о жизни в концентрационном лагере Тон-Ни в Хыннаме. Он был опубликован в Сеуле. Его автор, Ин-Хо Ким, был лагерным заключенным, которому удалось выжить и спастись.

Будучи написанным человеком, не являющимся членом Церкви Объединения, он является подтверждением рассказа преподобного Муна о событиях, пережитых им в тюрьме.)

Среди заключенных был один человек, выделяющийся своими необычными качествами. Это был Сон-Мён Мун. Мы возвращались с работы смертельно уставшие; некоторые опирались на других или на стену, а он всегда сидел прямо, за исключением нескольких часов сна. Он был настолько примерным заключенным, что даже фанатичные коммунисты-тюремщики уважали его. Это происходило потому, что он работал прилежно и на совесть, не нарушая тюремных законов, и даже без перерывов на отдых в отличие от остальных. Он был в хорошей физической форме. Во время работы мы часто советовали ему подумать о своем здоровье и не принимать все близко к сердцу, а он всегда отвечал нам: “Если я буду работать чуть больше и чуть усерднее, разве это не облегчит бремя моих собратьев?”

Его приговорили к тюремному заключению по обвинению в реакционизме и вынесли соответствующий приговор.

В то время простым людям было сложно разобраться в многообразии христианских деноминаций, которые постоянно ссорились между собой. Он же искренне верил в то, что они должны объединиться. Он начал развивать движение “домашняя церковь”, настаивая, что истинная вера должна начинаться с семьи. Он проповедовал, что, даже не посещая воскресной службы, каждый может стать хорошим христианином, пока он искренне молится и ежедневно раскаивается в своих проступках.

Воодушевляющие и убедительные проповеди г-на Муна вскоре начали привлекать множество последователей. Это вызывало растущую зависть в основных христианских церквях, и они организовали против него заговор. Движению г-на Муна было нанесено оскорбление, оно было названо ересью. Это осуждение ограниченных людей сыграло на руку коммунистам, которые проводили политику, направленную на уничтожение всех религий. Вскоре во время одного из собраний он был арестован и приговорен к трем годам лишения свободы как виновный в “нарушении общественного порядка”.

Он всегда сохранял полное спокойствие и работал прилежно, ни разу не пожаловавшись. Что касается работы, никто не мог сравниться с ним в силе и энтузиазме.

Я заметил одну любопытную деталь: он никогда не мылся. Ежедневно по окончании работы на фабрике удобрений нам разрешалось мыться в сточных водах фабрики, но он просто проходил мимо. Несмотря на то что вода была очень грязная и практически непригодная к использованию, все мы мылись после работы, потому что наша кожа была невыносимо липкой из-за покрывавшей нас смеси удобрений, пыли, грязи и пота.

Однажды я понял, как он поддерживает свою чистоту. Это было ночью, мне нужно было пойти в уборную. В камере было очень темно. Я тихо сидел и ждал, пока мои глаза привыкнут к темноте, и увидел его сидящим в тускло освещенном углу. “Ким? Ты рано проснулся”, — сказал он, открывая глаза. Мне показалось, что он молился. “Я думаю, ты просыпаешься так рано каждый день, — сказал я и спросил: — Ты что, не устаешь?” “Все в порядке, — ответил он. — Я привык к этому, и мое тело начнет зудеть, если я попытаюсь спать подольше”. Вернувшись из уборной, я увидел его без рубахи, он мылся сырым полотенцем, которое обмакивал в холодную воду. “Мун, тебе не холодно? — спросил я. — Я боюсь, что ты можешь простудиться. . .” “По крайней мере я должен делать это, если не моюсь на фабрике, — ответил он. — Так я могу выжить”. Позже я понял, что вместо того, чтобы использовать загрязненную и практически непригодную к употреблению воду с фабрики, он сохранял свою питьевую воду. В ней он смачивал полотенце и каждый день до рассвета мылся таким образом.

Он просыпался, молился, мылся холодным мокрым полотенцем и опять молился. Затем он завтракал и шел на работу. Он отличался неукротимой силой тела и духа. Это достаточно редкое явление, чтобы человек, стоящий на пороге смерти, продолжать уделять пристальное внимание своему здоровью. Но то, что он жертвовал двумя часами

самого драгоценного времени — сна, чтобы соблюсти свои религиозные ритуалы, казалось мне просто невероятным.

По лагерю ходили странные слухи, в которые все верили. Говорили, что Сон-Мён Мун обладает сверхъестественной силой. Фанатичные охранники-коммунисты, без всякой на то причины, создавали особые сложности тем, кто был осужден как реакционер или нарушитель общественного порядка. Но для г-на Муна они сделали исключение. Я думаю, что это происходило потому, что он всегда работал на совесть и никогда не нарушал никаких правил. Но, по слухам, коммунисты не смели плохо обращаться с ним, поскольку верили, что он обладает сверхъестественной силой. Говорили, что если кто-нибудь несправедливо отнесется к нему, то ночью старик Сан-силлён (в корейском фольклоре страшный дух — хранитель, живущий в горах) явится ему в снах и предупредит его. Если этот человек опять несправедливо отнесется к нему, тогда он и на следующую ночь вернется в его сны и накажет его. Поэтому даже самые жестокие охранники не осмеливались причинить вреда господину Муну. Что еще более изумительно, говорили, что Сон-Мён Мун знает содержание снов. Он подходил к охраннику, который побеспокоил его за день до этого, и интересовался в деталях, что тому приснилось, чтобы подтвердить это, как будто это приснилось ему самому. Это было действительно что-то невероятное! До сих пор Сон-Мён Мун не упоминал ни об одном из этих слухов. В любом случае, я сам видел, как новый охранник, который в течение нескольких дней относился к нему плохо, неожиданно изменил свое отношение. Я верю, что эти слухи имели под собой какую-то почву, поэтому пересказываю их.

Я ни член Церкви Объединения, ни христианин, не был им в прошлом, не являюсь и в настоящем, но я подмечал все это для себя самого. Хотя годы проходят своей чередой, я не могу забыть то впечатление, которое г-н Мун произвел на меня. Он был человеком, обладающим даром предвидения, и человеком принципов, — тем, кто всегда был верен своему слову.

О! Сейчас я припоминаю одно обещание, которое он не сдержал. Эта история связана с поджаренной рисовой мукой, которую мне приносила моя мать. Она уже привыкла посылать мне достаточное количество муки, чтобы я мог поделиться с другими заключенными. Господин Мун сказал, что расплатится со мной одной свиной за каждую миску муки. По моим грубым подсчетам, если я припомню, сколько муки разделил с ним, я думаю, что должен получить более 100 свиней. До сего дня он мне не отдал и фунта свинины. Я полагаю, что это можно назвать наглядным примером того, как он не сдержал своего слова!

Здесь я должен пояснить читателям, которые, возможно, не поняли, в чем тут дело. В то время среди заключенных была присказка: горошина в тюрьме равноценна на свободе свинье. Это остроумное выражение описывало действительное положение вещей в лагере. Вот и представьте, если горошина в тюрьме стоила одной свиньи, тогда скольким равна миска рисовой муки? Очень большому числу! Другими словами, доброе сердце людей, способных поделиться едой, ценили более всего остального.

С тех пор как мы освободились из Хыннама, я долгое время ничего не слышал о г-не Муне. Но как бы ни сложилась его жизнь после этого, тот простой факт, что он и я смогли выжить и спастись из этого настоящего ада, уже само по себе великое благословение Небес.

ИНТЕРВЬЮ С СЭ-ХЁН ОК

(из журнала “Тон-Ил Сэге”, сентябрь 1977 г.)

В 1946 году, когда у Церкви Объединения еще не было даже таблички с названием, а преподобный Мун в одиночестве шел по пути исполнения воли Божьей, он встретил пожилую женщину по имени Сэ-Хён Ок, ставшую живым доказательством и свидетельством силы преподобного Муна и его Церкви. Ее знают как “Матушку Ок”, подразумевая, что она действительно была матерью Церкви на ранней стадии ее существования. Когда преподобного Муна преследовали и держали в тюрьме, она шла бок о бок с ним по его тернистому пути.

Сейчас (в 1977 году) ей 80 лет, но в своем белом корейском национальном костюме она выглядит свежей и даже моложавой. Ее серьезное лицо несет печать важной исторической миссии, которая когда-то легла на ее хрупкие плечи.

Госпожа Ок родилась в Пхеньяне (Северная Корея). Она была дьяконицей в одной из христианских церквей, а ее муж — церковным старостой. У них было два сына и четыре дочери.

В этом интервью с ее помощью открываются новые страницы в истории борьбы, которую Церковь Объединения вела на раннем этапе своего существования.

Вопрос: Прежде всего, расскажите, пожалуйста, как вы впервые встретили преподобного Муна.

Ответ: Когда моему старшему сыну исполнилось 22 года, он поехал в Японию учиться в колледже. Но началась вторая мировая война, и ему пришлось пойти в армию. Я молилась Богу, чтобы Он берег моего сына. В 1945 году некоторым из нас стали приходить известия из духовного мира, по времени это было близко к дню освобождения. Я получила откровение, в котором мне сообщалось, где живет преподобный Мун. Вначале мне было велено идти в горы, чтобы молиться. Но я была так занята по дому, что отложила молитву, и в результате заболела. Это было мне наказанием. Потом, в ноябре 1946 года, кто-то взял меня на первую встречу с преподобным Муном.

В.: А что случилось после того, как вы с ним познакомились?

О.: Я была женой старосты традиционной христианской церкви и сама работала дьяконицей в той же церкви. Но некоторые из нас, дьяконы традиционных церквей, объединились в кружок вокруг преподобного Муна, чтобы исповедовать веру и молиться. Все это было невероятно. На наших собраниях царил подлинно возвышенная духовная атмосфера, то есть мы плакали, молились и снова плакали от радости. Как только мы поняли Сердце Бога, мы искренне раскаялись. Скоро весть о наших собраниях докатилась до традиционных церквей, и они стали нас преследовать. Полицейские участки были поставлены на ноги, некоторых из нас задержали. Мы испытали тот же Святой Дух, который спустился на Марка две тысячи лет назад. Моя семья возражала против моего участия в собраниях и другие тоже вскоре стали меня преследовать.

В.: Насколько я понимаю, в это время преподобного Муна арестовали — на том основании, что его собрания относились к церкви Пок-Чун Кё (Церковь чрева).

О.: Совершенно верно. Была церковь Пок-Чун Кё, основанная госпожой Хё-Бин Хо. Она и ее последователи приготовили специальные наряды для Господа Второго пришествия. Когда об этом узнала полиция, ее арестовали, а все одежды забрали. Тогда решили, что Церковь преподобного Муна относится к подобного рода группам, за это его посадили в тюрьму на три месяца. Находясь в одной тюрьме с госпожой Хо, он послал ей через третье лицо записку, в которой советовал отречься от своей церкви, чтобы выйти из тюрьмы, но записку перехватили. В результате он подвергся жестоким пыткам, потерял много крови и лишился нескольких зубов. Вначале он жил у господина На, а после освобождения переехал к господину Чон-Фа Киму.

В.: По-видимому, преподобный Мун, пытаясь исполнить свою Божественную миссию — заложить основание для истории Божьего промысла, натолкнулся на каменную стену противодействия. А что произошло после его освобождения из тюрьмы?

О.: Преподобный Мун велел нам поститься. После трех дней поста Небо послало мне откровение, в котором сообщалось, что за человек преподобный Мун. В это время

ему было 27 лет. Через пять дней я вернулась домой, и тогда моя семья всерьез воспротивилась моим связям с Церковью преподобного Муна. Будучи дьяконицей и женой церковного старосты в традиционной церкви, я тем не менее ушла из дома, где-то постилась целых пять дней. Естественно, что моя семья стала возражать.

В.: А как относились ко всему этому традиционные церкви?

О.: Все они активно выражали свой протест. Они напоминали рой разъяренных пчел. В 1947 году наша группа насчитывала человек тридцать, большинство из которых принадлежали к традиционным церквям. Все они терпели гонения, семья Ин-Джо Кима чинила всем трудности. Я не могла смириться с жестокостью и враждебностью этих преследований. Однажды мне приснился сон, будто преподобного Муна мучают на кресте, и, бросившись к нему, я нашла его всего избитого, ослабшего. Все это я видела во сне. В то время он жил у своей тетушки и я часто его видела.

В.: Насколько я знаю, вскоре его опять арестовали и стали пытаться?

О.: В 1948 году госпожа Сонг-До Джи пришла в церковь, чтобы приготовить Божественную трапезу к 1 марта (по лунному календарю). Слух об этом быстро распространился, дошел и до традиционных церквей, и до полиции. Однажды к нам пришла женщина, сказавшая, что она верующая, так же как и ее родители. Позднее выяснилось, что она явилась, чтобы шпионить за нами. На следующее утро, чувствуя смятение и тяжесть на душе, я отправилась в Церковь. Туда уже пришел инспектор полиции, который арестовал преподобного Муна и Уон-Пил Кима, а также двух сестер. Господина Уон-Пил Кима отпустили через четыре дня, а женщин — через два дня. Разумеется, запланированная праздничная трапеза у нас так и не состоялась. Человек пять-шесть из нас задержали и бросили в тюрьму. Когда я просидела в камере два дня, преподобного Муна отпустили. Через пять дней после ареста ему были предъявлены обвинения в том что он: 1 — шпион Сун-Ман Ли; 2 — вымогает деньги у богатых женщин; 3 — нарушает общественный порядок. Каждого обвиненного в шпионаже ждал расстрел без суда.

Я была в совершенном смятении и отчаянии. Вдруг в меня вселился дух, и я стала буквально кататься по полу в центре идеологической обработки. Преподаватели центра в страхе разбежались, как зайцы. Когда это состояние прошло, они собрались вокруг меня, спрашивая, отчего у меня такой приступ. Задавая свои вопросы (когда я стала последовательницей преподобного Муна и т.п.), они старались поймать меня на слове. В результате меня посадили в тюрьму. Один из моих племянников пришел просить за меня, чтобы меня отпустили. В общей сложности я провела в камере девять дней.

В.: Как проходил суд?

О.: Я чувствовала, что с нами поступают чудовищно несправедливо и обратилась к адвокату. Вся эта история была раздута газетами, и многие члены традиционных церквей пришли в суд. Они издевались над нами, спрашивали: “Эй, а что у Иисуса на голове?” Они кричали, что преподобного Муна надо разрезать на куски. Судья приговорил преподобного Муна к пяти годам тюремного заключения.

Я проводила преподобного Муна до середины двора при здании суда и передала ему еду, которую захватила из дома. При виде того, как он шел впереди в наручниках, как преступник, мое сердце обливалось кровью. Я подавала апелляцию в верховный суд, но срок заключения не сократили. Вскоре его перевели из полицейского участка в пхеньянскую тюрьму. В это время более тридцати членов Церкви разошлись и я одна навещала его в тюрьме.

В.: Расскажите немного о пхеньянской тюрьме.

О.: За три дня до того, как преподобного Муна заточили в тюрьму, Уон-Док Ким, молодой узник пхеньянской тюрьмы, получил во сне откровение; ему сообщалось, что он должен служить и оказывать всяческое почтение преподобному Муну. Он слушал преподобного Муна и оказывал ему множество мелких услуг.

В.: Вы часто с ним встречались после его перевода в тюрьму Хыннам?

О.: Видите ли, долгое время я не получала никаких известий, но однажды из Хыннама пришло письмо, в котором говорилось, что я должна навестить там преподобного Муна. Я тут же собралась в дорогу и выехала вечерним поездом. Я ехала всю ночь. От Пхеньяна это около 1000 ри (400 км). Я была простая женщина, не привыкшая к путешествиям, так что отправиться ночью в далекий путь было для меня нелегко. Но зная, что преподобный Мун тяжело страдает, я набралась смелости и пустилась в дорогу, и наконец на следующее утро я прибыла в Хыннам. Сняв комнату в ближайшей гостинице, я распаковала вещи и отправилась в тюрьму. Заключенных выводили из камеры в цепях группами по 40 человек. Среди них я заметила преподобного Муна. Сердце мое почти остановилось. Я целый день ждала, пока он не вернется с тяжелых работ, продолжавшихся очень долго. Я была очень рада снова увидеть его, но при этом мое сердце истекало кровью.

В.: О чем вы разговаривали?

О.: Он спросил меня, как живут члены Церкви. Мне не хотелось его расстраивать, и я сказала, что у них все хорошо. Я дала ему рисовой муки. На следующий день я опять навестила его, а вечером села на поезд и поехала назад, в Пхеньян. Всю обратную дорогу я проплакала, слезы градом катились у меня из глаз, так что даже в глазах затуманилось. Я ничего не могла с собой поделать.

В.: А потом?

О.: Через некоторое время я снова приехала его навестить, но мне сказали, что он уже в другой тюрьме. Страшно разволновавшись, я спросила о нем у одного из заключенных, и тот рассказал мне, что преподобный Мун находится в Бон Ганг. Это было километрах в восьми от тюрьмы Хыннам. Наняв носильщика отнести мои вещи, я отправилась туда и сняла комнату в маленьком доходном доме. Я все время не сводила с тюрьмы глаз и вдруг услышала, как скрипит повозка рикши. И, — о Боже! — ее вез преподобный Мун! Я бросилась к нему, чтобы поговорить. Я купила яблок, рисового крахмала и яиц и приготовила ему еду.

После этого я вернулась к себе, без памяти от волнения. В ту ночь я тщетно пыталась уснуть, а на следующее утро, бросив взгляд в сторону тюрьмы, я увидела, что преподобный Мун подметает тюремный двор. Я подошла к нему, спросила, понравилась ли ему еда. Он сказал, что ел с удовольствием. Он больше не мог разговаривать со мной, и я снова вернулась к себе. Оглянувшись, я увидела, что он подметает задний двор.

Я подошла к одному из часовых и сказала, что приехала из самого Пхеньяна, чтобы повидаться со своим племянником. Он разрешил мне поговорить, и мы разговаривали очень долго. Преподобный Мун сказал мне, что через месяц он возвращается в Хыннам.

Я ожидала, что он снова выйдет ко мне, но он так и не вышел, и мне не оставалось ничего другого, как вернуться в Пхеньян.

В.: Я знаю, что преподобный Мун испытывал много страданий и трудностей. Он когда-нибудь говорил с вами на эту тему?

О.: Однажды мы поехали навестить его вместе с Уон-Пил Кимом. Преподобный Мун в старой шляпе, надетой поверх грязного полотенца, которым была обмотана его голова, нес тяжелый мешок с минеральными удобрениями. Он обернулся и посмотрел на нас, словно для того, чтобы никогда нас не забыть. Потом он грустно побрел в тюрьму. Каждый раз, когда я ездила навещать его, я покупала ему новую одежду, но, приезжая вновь, находила его одетым во все старое. Позднее я узнала, что он раздавал свои вещи заключенным, которые выходили на свободу и ехали домой.

В.: Во время Корейской войны, когда армия ООН продвигалась на север, в Хыннаме открыли ворота тюрьмы. Вы когда-нибудь об этом разговаривали?

О.: Во время войны я не могла поехать туда, чтобы навестить преподобного Муна. Мне очень хотелось его увидеть, и я все молилась и молилась. В откровении мне было явлено, что он здоров. 14 октября 1950 года войска ООН захватили Хыннам и освободили заключенных, среди них — преподобного Муна. Во время войны заключенным

приходилось выполнять тяжелые работы, и они не уходили в укрытия, даже когда авиация войск ООН бомбила территорию тюрьмы. Коммунисты хотели, чтобы заключенных убили, — я в этом уверена. Однако туда, где случалось работать преподобному Муну, бомбы не попадали. Заключенных уводили по одному на расстрел. Его жизнь спасло чудо.

В носках, которые я связала для него, преподобный Мун пешком пошел в Пхеньян, он был в пути вместе с нами целый месяц.

В.: Все время, которое преподобный Мун провел в Северной Корее, было для него полно нескончаемых страданий и лишений. Расскажите, пожалуйста, как складывалась его жизнь, когда он попал в Южную Корею.

О.: Я отправилась на юг с собственной семьей. А преподобный Мун пошел с господином Чон-Фа Паком, который был надзирателем в тюрьме Хыннам. Господина Пака обвинили в принадлежности к коммунистам и избили. Ноги у него были сломаны. Но преподобный Мун посадил его на велосипед и вместе с Уон-Пил Кимом они отправились в путь. Они очень сильно рисковали.

Господин Пак решил остановиться и поселиться в Кёнг Джу, а преподобный Мун с Уон-Пил Кимом дошли до Пусана. Некоторое время они жили у друга и через преподобного Сан-До Хана они узнали мой адрес. Преподобный Мун послал ко мне господина Кима. Первое, о чем я его спросила, во что одет преподобный Мун. Я услышала, что он носит ту же одежду, в которой ходил в Северной Корее. Я продала много ткани, припасенной для них обоих, и нашла им комнату. Через несколько дней я сшила одежду из остатков материи и отнесла им.

Весной 1951 года преподобный Мун дни проводил в горах, а ночью работал в порту. Уон-Пил Ким некоторое время работал в ресторане, а потом нашел место на американской военной базе. Преподобный Мун построил хижину в Бом-Ил Дон близ Пусана; одну зиму я для них готовила еду. Между тем к нам присоединились господин Ю (президент Ассоциации Святого Духа за Объединение Мирового Христианства) и другие. 1 мая 1954 года состоялось официальное учреждение Ассоциации Святого Духа за Объединение Мирового Христианства.

Потом к нашей семье присоединились многие профессора и студенты университета Ифа. Нас уже стало много, и мы переехали в другое место, в Хын-Ин Дон. Потом, 27 апреля 1955 года, мы снова переехали в Чан-Чун Дон. Приблизительно в это время из университета Ифа уволили пять профессоров и исключили четырнадцать студентов.

4 июля преподобный Мун и многие его соратники-последователи были арестованы. Их посадили в тюрьму Со-Дэ Мун. Нашей ежедневной обязанностью было навещать их в тюрьме. С тех пор как была построена эта тюрьма, ни к кому из заключенных не приходило большее количество посетителей. 4 октября преподобный Мун был оправдан и выпущен на свободу, а вслед за ним освободили и других. Уон-Пил Кима освободили накануне Рождества. Вскоре после освобождения преподобного Муна мы снова переехали в дом в Чон-Па Дон. Состоялась большая церемония Благословения. Именно отсюда пошла история Церкви Объединения.

В.: Большое спасибо за то, что вы так подробно рассказали нам о преподобном Муне и об истории Церкви — с ее зарождения и до наших дней. Вы без утайки передали нам то, что сами видели, чувствовали и думали. Сейчас, встречая преподобного Муна, вы должны испытывать гордость за него, ведь он превратил Церковь Объединения во всемирную религиозную организацию. А теперь, пожалуйста, выскажите свои пожелания новым членам Церкви.

О.: Говорят, что наша Церковь снова проходит испытания. В Корее перед нами стоит так называемый инцидент Ифа. В международном масштабе мы также сталкиваемся с преследованиями и нагнетаемой против нас враждебностью. Жизнь преподобного Муна зиждется на терпении и еще раз терпении. Невзирая на противодействие и презрение, он завоевал лавровый венок победителя. Наши сегодняшние “трудности” можно превратить в очередной пролет лестницы, которая ведет нас к успеху. Рассматривая эти трудности как

объективные уроки, мы должны облегчить бремя, лежащее на плечах преподобного Муна, и сделать все, что в наших силах, чтобы исполнить миссию, данную нам Богом.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ХЁ-УОН Ю

(из журнала Тон-Ил Сэге, июль 1980 г.)

Человек непоколебимой веры и преданности, он стал опорой для многих в ранние годы конфликтов и гонений в Корее, его жизнь была для нас хорошим примером. Он систематизировал и проповедовал слова Отца и в 1957 году написал книгу “Объяснение Принципа”, явившуюся первым печатным изданием по Божественному Принципу, а в 1966 году — книгу, известную в английском переводе как “Divine Principle” (“Божественный Принцип”). Он умер 24 июля 1970 года.

Занимая должность президента нашей Семьи на протяжении 15 лет, он почти ежедневно вел записи в дневнике, занося туда отчеты для Отца и планы на следующий день.

11 мая 1955 г.

Целый день читал лекции людям, которых Кён-Гу привел в центр. Двух человек из университета Ифа выгнали из общежития. Спустившись вниз, я застал Кил-Джа, Чонг Са, Ми-Шик и Мён-Джин за едой. Все улыбались. После окончания вечерней службы я попытался привести их в дом господина Янга, чтобы они там остановились. Меня поразила их решимость. По их просьбе я написал ходатайство профессорам их университета.

14 мая 1955 г.

Администрация университета Ифа исключила четырнадцать студентов. Студенты кажутся очень твердыми в вере. Я попросил Кил-Джа и Ми-Шик прийти в 9.30, чтобы дать интервью сеульским газетам. Я читал лекции шести новичкам — студентам университета Ифа. Я попросил Отца побеседовать с ними, пока меня не будет.

4 июля 1955 г. (день великих преследований)

Сегодня мне хотелось умереть семь раз. Вечером снова пришли газетчики, все облазали, фотографировали Отца. Вскоре после этого явились следователь О и старший следователь Ким, чтобы вызвать Отца на допрос в участок. Мы с Ён-Уном пошли за ними. Мы зашли в разные комнаты. Мне было сказано идти домой. Господин О почти вытолкнул нас за ворота. Там нас ждала наша семья. Потом мы вместе пошли домой. Так что я был прав, говоря, что сегодня — день преследований.

5 июля 1955 г.

Отец не вернулся. Как мог я заснуть, оставив его там одного? Я совсем как апостол Петр. Позавтракав, я почувствовал сильную усталость. Я должен претерпеть эти преследования вместе с Отцом. Я ненадолго прилег. Вошел Тонг-Хи. Он принес с собой газету “Пён-Хуа”. Наш возлюбленный Отец арестован. Час настал. И теперь мы столкнулись с тем, что должно было произойти. Я буду мужественным. Захватив одежду и одолжив у Ми-Шик зонтик, я пошел в участок искать членов Семьи. Мне случайно встретились господин Хо и господин Чо. Они сказали, что не знают, где находится Отец. Потом мы вместе пошли в чайную. Мы купили все газеты. Статьи в газетах были очень грязные, но из грязи можно получить удобрения. Когда я вошел в специальную комнату для допросов, там как раз допрашивали Уон-Пил Кима, и следователь жестоко избивал его. Я чувствовал себя уже не так, как в чайной. Нам инкриминировали уклонение от военной службы и незаконное удержание людей. Просидев целый день с пустым желудком, я даже забыл об усталости. Господин Чо повел нас в ресторан. Я пошел вместе со всеми. Я утешал членов Семьи, которые походили на стадо без пастуха. Не знаю,

может быть, это последняя запись в этом дневнике. Я вынул фотографии, не знаю, вернутся ли они на свои места.

Можете ли вы умереть вместе с тем, кого любите? Можете ли вы забыть свое обещание? Можете ли перейти через гору, если думаете, что преодолеть ее невозможно?

6 июля 1955 г.

Целое утро я говорил с членами Семьи. Мы все вместе отправились, чтобы быть рядом с Отцом.

Я последую всюду, куда пойдет мой любимый Отец.

А пойду ли я даже на смерть?

Мы стали одним целым.

А могу ли я пойти с ним даже в ад?

Это мой путь.

Кто меня остановит?

Я ожидал Хо-Ионг в чайной Дэ-Янг до трех часов, а потом пошел в участок. Они допрашивали всех членов Семьи о нарушении закона о воинской повинности и незаконном удерживании людей.

10 июля 1955 г.

Выступив с субботней проповедью, я перешел в другую комнату, чтобы прочитать госодину Соуку лекцию по хринологии. Не успел я начать, как следователь О и старший следователь Ким пришли меня арестовать. Я переоделся и приготовился идти. Когда меня привели в участок, я застал там господина Хё-Мина и господина Хё-Янга, их допрашивали. В этот вечер они пытались задержать нас вместо господина Чонг-Фа Пака. Мы ходатайствовали о том, чтобы нас отпустили, и получили разрешение вернуться в Церковь.

11 июля 1955 г.

Я старался ободрить Кён-Гу, Фан-Чэ и студентов из Ифа. Я попросил всех собраться в доме Янга в единении и любви. К 4:30 я подготовился к жизни в тюрьме и отправился в участок. Я также увидел, как допрашивают Сонг-Сил Чэ. Его тоже арестовали. Меня арестовали в участке Тон Дэ Мун. Когда я смотрел на узников сквозь тюремную решетку, мне вспомнился фильм “Камо грядеши?”, тот эпизод, где люди ожидали своего последнего дня. Меня посадили вместе с вором и чиновником. Я постарался вселить в этих молодых людей надежду на будущее.

13 июля 1955 г.

Детектив отослал меня в участок Чонг-Но. Там уже были Отец и Сонг-Сил. Господин Су-Кён Ли принес вкуснейший ком тан для нас. Когда Отец, я, юрист Чэ и детектив ждали такси, чтобы поехать в суд, нас окружила группа членов Семьи.

Среди собравшихся были Хё-Мин и Хё-Янг. Ёнг-Сок Пак смотрел на меня очень сочувственно. Когда мы должны уже были ехать, меня окликнул один из племянников: “Дядя, что с тобой случилось?” Он плакал. Когда машина отъезжала, он ударил по стеклу. Члены Семьи смотрели на нас с большой тревогой, и я сказал им, что беспокоиться не о чем. Мы ужасно устали от ожидания. На запястьях у Отца и у меня были надеты наручники, которые тесно соединяли нас. Нас отвели в какое-то помещение. Господин Хан, матушка Ок, Чонг-Бок, Ханг-Ёнг, Хуан-Чэ и Кён-Гу постарались пройти за нами. Мы все съели еду, принесенную членами Семьи. Когда все мы, включая Сонг-Сил, оказались вместе, Отец сказал: “Они делают нас навеки неразлучными. Мы готовы бороться до конца”. Я обрадовался, услышав эти слова. Взглянув на меня, он добавил: “Хё-Уон, тяжело тебе приходится, да?” Я возразил: “Из-за наших ошибок неприятности коснулись и вас”. Вместе с другими 30 заключенными нас отправили в тюрьму Со-Дэ Мун. Уже за полночь мы прибыли в строение 6, отсек 9, камеру 380.

15 июля 1955 г.

День, когда нам надлежало явиться в суд, мы провели, кажется, в худшей из тюрем. Двадцать четыре человека затолкали в камеру размером в два с половиной соломенных

мата. Дышать было нечем. Мы прождали в этой комнате целый день, но нас так и не допросили.

29 июля 1955 г.

Сегодня нас вызвали рано. Вся члены Семьи пребывали в ожидании. Я видел, что нас ждут Че-Гун и Ман-Чун Ча. Мне было приятно их видеть. Бабушка снова похлопала меня по спине. Я сделал надпись с выражением моей благодарности секретарю и расписался на моей книге о Принципе. Четыре последующих дня члены Семьи приносили нам скромный обед. Столь трогательная забота произвела на меня глубокое впечатление. Но у меня болел желудок и, к своему сожалению, я не мог есть. Опять, как в первый день, нас пятерых соединили цепью с Отцом и послали к судье Канг. С нами также были все члены Семьи. Я сказал себе: “Хочу, чтобы мы остались связанными навсегда”. До меня дотронулся Сан-Янг Сон. Я попросил его поприветствовать Отца. Отец сказал ему: “Молись больше”. Когда мы забрались в машину, нам запретили садиться у окон. Не понимаю, как можно быть такими жестокими. Я видел, что некоторые следователи завидовали нашей страстной любви и тому, как о нас заботятся члены Семьи. В Семье — наша сила и наш кров. Нас пришел навестить брат жены Куанг-Юл. Не могу забыть, какое выражение лица было у женщины, стоявшей рядом с Кэ-Сон и приветственно махавшей рукой. Как же я мог забыть ее имя? Это моя вина. Пришел и господин Че, но я его не видел. Чонг-Су Че, приехавший из Уан-Джу, приветствовал меня со слезами. Это была наша Семья, и эти люди хотели разделить с нами тяготы преследований. После 22 дней заключения нам наконец был вынесен приговор. Первое судебное заседание проходило в местном суде в Сеуле, в зале № 4. Судью звали Хак-Но Юн. Это был главный судья. На послеобеденном заседании судья Се-Ёнг Канг вынес следующий приговор: “Учителю — 2 года, Хю Вону — 2 года, остальным трем членам Церкви — по одному году”.

28 сентября 1955 г.

Кён-Гю Ю пришел к нам и объявил: “Сегодня вас с Отцом выпустят на свободу”. Но мы продолжали пребывать в неуверенности. Вечером Уон-Пил Ким, выглянув в окно, крикнул: “Сегодня вечером?” “Да,” — громко ответил я, но я не был уверен в своих словах. Спустя еще тридцать минут никаких изменений не последовало и мы легли спать. Сквозь сон мы наконец услышали скрежет отпираемой двери и чьи-то громкие слова: “380-я, выходи с вещами”. Чанг-Хуан Ли помогал нам укладывать вещи. Я отдал ему белье, рубашки и носки. Вышло более десяти человек, но среди них я не увидел Отца. Войдя в его камеру № 29, я столкнулся с его взглядом. Я спросил: “Значит, выпустили только меня?” Отец сказал: “Уходи как можно скорее. Так надо”. Но я не мог повернуться и уйти. На глаза навернулись слезы. Мне хотелось назад. Выйдя из тюрьмы, я встретил Су-Ёнг. Уол-Сон поприветствовал меня, Тонг-Сук крепко пожал мне руку. Мы на джипе вернулись в церковь. Там были Хён Сил, Хён Сук, Ок Бонг, Ун Джа Нуанг, мать Тонг Чол, Ёнг Ун Ким, Хуанг Юл, Банг Ул Ким.

4 октября 1955 г.

Отец находится в тюрьме ровно три месяца. С тех пор, как меня посадили в тюрьму, прошло 86 дней. Преподобный Чонг-Су Ли, Ченг-Хуа Хан и я на такси, вызванном Чу-Хуа Ханом, отправились в местный суд. Там уже собрались некоторые члены нашей Семьи. Нас встречала Сон-Хуа, выглядевшая очень мило. Нас повезли на грузовике. Потом я увидел Хё-Юн и Ху-Мин. В том же грузовике сидел и Уон-Пил. Отец был в другом автомобиле. Судебное заседание открылось в 10:00. Я снял пиджак, чтобы быть одетым, как и Отец. Главный судья Хак Но Юн объявил Отца невиновным. Меня приговорили к штрафу в 5000 вон, а всех остальных — к 8 месяцам тюремного заключения. Мы пошли поужинать в корейский ресторан во главе со старшим Ченгом. С нами были Ёнг Ун, преподобный Ли, Сун Фа Ким, Чу Фа Ким и Кён-Гю Ку. После ужина мы пошли повидать Отца. Его сопровождали Сун-Ха Ким и Чён-Хуа Ханг, студенты из Уан-Джо. В 21:40 к нам вышел Отец. Мы наняли автобус, чтобы вернуться домой. Я огорчился, не застав

студентов из Ифа. Сразу после молитвы Отца мы запели “Песнь Господнего сада”, а затем продолжали слушать его слова.

7 октября 1955 г.

Сегодня мы перебираемся в церковь Чанг-Па Донг. Пока мы собирали вещи, Тэ-Хуан Юм пришел, чтобы проводить Отца до нового места. Я вошел первым. Зал был гораздо больше, и помещение оказалось очень удобным. Все, даже двери, было очень старое. Я расстелил постель и лег.

10 октября 1955 г.

Мы отмечали освобождение Отца. В 6 часов вечера наверху начался вечер приветствия. Мы приготовили очень простую еду: печенье и яблоки. Каждый получил яблоко и несколько печений. Отец самолично обошел собравшихся с мешочком, откуда доставал угощение для каждого. Дар был дешевым и в то же время роскошным. Стихи Куанг-Ёл Ю произвели особое впечатление. Было прочитано и полное страсти стихотворение Уонг-Бо Чэ. Отец также исполнил несколько святых песен и разъяснил смысл стихотворения. Я тоже прочитал те восемь фраз, что написал в тюрьме.

ПРЕПОДОБНЫЙ СОН-МЁН МУН: ЧЕЛОВЕК И МИФ

Чон-Фан Куак

Человек, сложный для описания

Преподобный Сон-Мён Мун.

Для меня он — как гора, так высок, что мой взгляд не охватывает его целиком, если смотреть лишь на уровне глаз. Он также похож на океан — его глубина не поддается измерению. И какое бы описание я ни придумал, меня не оставляет чувство неловкости, оттого что я никогда не смогу в полной мере раскрыть сущность этого человека.

Я очень близко знаю преподобного Муна последние двадцать лет. Но когда я задумываюсь над тем, сколько я действительно о нем знаю, мне приходится признать, что на самом деле я знаю совсем немного. Я ничуть не лучше отчаявшегося альпиниста, который, твердо решив пройти крутыми нехоженными тропами и достигнуть вершины, даже не успел окинуть взором всю гору с высоты птичьего полета: и передо мной по-прежнему возвышается этот непокоренный пик. Я уверен только в одном: чем выше я поднимаюсь, тем более сознательным я становлюсь, мои глаза радуются последовательности различных ландшафтов, приходящих на смену друг другу: то очаровательных, захватывающих дух, то внушающих ужас, то подчас возвышенных. Признаюсь, что и сегодня я все еще продолжаю подниматься.

Оглядываясь назад, я не могу не чувствовать, к своему удивлению, не оставившему меня через столько лет, что сцены, с которыми я сталкивался до сих пор, относятся лишь к одному склону этой горы, с присущими ей красотой и гармонией. Годы идут, а это мое убеждение становится все сильнее.

Каждый раз, когда я добираюсь до нового плато, оказывается, что впереди виднеется еще вершина или могучий утес. Полюбовавшись издали гигантским бурлящим водопадом, я, естественно, предполагаю, что передо мной откроется озеро, глубокое, с кристально чистой водой, таинственное и возвышающее дух.

Я очень хочу узнать преподобного Муна лучше. Я “испиваю” от этого человека и чувствую все большую жажду, мое желание неутолимо. Как бы мне хотелось постичь внутренний механизм его сердца! Иногда он кажется невероятно сосредоточенным, словно, находясь в центре бескрайнего океана, смотрит за горизонт! Чего бы я ни отдал за то, чтобы лишь прикоснуться к его тени, когда он вдруг закатывается смехом! Чтобы он ни делал, он пунктуален и всегда начеку, но при этом очень чувствителен. Вообще, я склонен заглядывать везде: в любой незаметный уголок, в любой закоулок тех редких

моментов, когда он бывает один, чтобы поймать хоть намек на его стиль жизни без прикрас. Более того, я был бы счастлив открыть для себя, что скрывается “внутри” преподобного Муна. Он один из тех, кто пребывает на этой земле, еще не вполне готовой принять его таким, каков он есть на самом деле. Часто, когда нам приходится сталкиваться с преподобным Муном лицом к лицу наедине, у меня возникает чувство неловкости. Молчание милостиво нарушает он. Когда он сидит, прикрыв глаза, погруженный в раздумья, я теряюсь и не знаю, что мне делать. Я не знаю, как избавиться от неизбежного чувства, что он намного выше меня, и от беспокойства, что я вообще не смогу настроиться на его лад. Не удивительно, что человек, о котором я взялся написать, слишком неуловим и сложен для описания. И в таких условиях я хотел бы предложить краткий очерк о человеке, собравшем нас вокруг себя и бросившем свой жребий. В то же время я должен оговориться, что эта лишь мое видение — через непрозрачную и несовершенную призму моих чувств и моего понимания.

Как выглядит преподобный Мун

В “Истории Церкви Объединения” господин Куанг-Юл Ю, ответственный по делам культуры главного центра Церкви Объединения в Сеуле (Корея), так описывает внешность преподобного Муна:

“Наделенный с раннего детства здоровым и сильным телосложением, преподобный Мун, можно сказать, выделяется из толпы. Его лицо, чуть великоватое относительно его тела, никому не кажется обыкновенным или грубым; наоборот, высокий лоб, маленькие глаза и длинная широкая переносица придают его лицу четкость очертаний и гармонию.

Кисти рук, мощных и крупных, — маленькие и выразительные, но при этом ловкие и сильные, его ступни невелики, но ноги тоже сильные и быстрые. Когда он идет, шаги его спокойны и неторопливы, поступь твердая и исполненная достоинства. Но тот, кому случается идти рядом с ним не отставая, вдруг ощущает, как на самом деле быстро он ходит. И правда, обычный человек едва поспекает за ним.

Что касается выражения лица, то оно всегда полно душевного тепла, мягкости и человечности, сочетаясь с сильной волей и чувством собственного достоинства.

Когда он двигается, его движения полны природной грации и свободы, его манеры говорят о беззаботной щедрости; за всеми этими качествами легко угадываются его искренность и серьезность, ни с чем не сравнимая наблюдательность, непоколебимая уверенность в себе, все это приковывает (вовсе не требуя) немедленное внимание со стороны всех окружающих, попадающих под действие его силы и авторитета”.

Я не мог бы более точно описать внешность преподобного Муна.

“Стиль” и “личное обаяние” преподобного Муна

Преподобный Мун родился со своим “стилем”. Если бы Бог задумал “улучшить” его внешность для большего эффекта, Он, наверное, не решился бы что-либо добавить или, наоборот, убрать. Вообще все его движения отражают его “стиль”, “флер”, “личное обаяние”. Когда он проповедует, его мужественный голос, звучный и глубокий, будоражит сердца всех его слушателей, легко вызывая у них слезы или возгласы ликования. Когда собрание небольшое, он часто поет и показывает нам свои интерпретации танца. Я уверен, что все, что бы он ни делал, имеет отпечаток его прекрасного в своей уникальности “стиля”.

Его самая основная отличительная черта — широта души. Когда его пригласили обратиться к членами палаты представителей США, он сказал:

“За последние 14 месяцев я становился все более противоречивый фигурой для средств массовой информации и по всей стране мое имя красовалось в заголовках газет. Некоторые журналы даже публиковали истории о моем Движении и помещали на обложках мои фотографии. Я польщен, что на некоторых снимках вышел красивее, чем в

жизни, и при том, что я ни пенни не плачу за рекламу, из меня делают знаменитость. Не знаю, как их достойно отблагодарить”.

Этим он сразил своих слушателей! Его острое чувство юмора, полное человечности, мгновенно растопило лед напряженности в аудитории. Когда смех стих, публика стала более восприимчивой к его словам.

Когда он выходит куда-либо в своей обычной одежде — рубашке с расстегнутым воротником и темных очках, его останавливают незнакомые люди, будь то в крупном универмаге большого города или в каком-нибудь захолустном городишке, и неизменно спрашивают: ”Вы не преподобный Мун?” Загадочно улыбаясь, он неясно отвечает ”Может быть...” своим естественным обворожительным голосом. Есть своеобразный шарм в том, как он себя ведет в разных ситуациях.

В 1974 году, когда он только начал обращаться к аудитории в Мэдисон Сквэр Гарден, несколько крикливых и шумных клакеров, собравшихся у подиума, стали провокационными выкриками в его адрес мешать аудитории, отвлекая ее. Пока вежливый(!) полицейский выпроваживал этих людей из зала, — это заняло достаточно много времени, — члены Движения Объединения испытали весь спектр чувств — от раздражения до гнева. А преподобный Мун оставался спокойным и собранным. Он лишь объявил, что собирается спеть ”На горе цветут цветы, цветут цветы...” С глубоким чувством он исполнил корейскую песню ”Сан Ю Фа”. Это можно назвать его ”стилем”, ”флером”, ”личным обаянием”, ”невозмутимостью”, ”артистизмом”, ”величием”. Что бы это ни было, в каждом сердце была задета нужная струна. Все тридцать тысяч слушателей были глубоко тронуты. Когда песня закончилась, воцарилась тишина, аудитория замерла в трепетном благоговении. Не было ни одного члена нашей Семьи, который бы не оказался растроганным до слез, люди увидели в этом инциденте провиденциальное мановение руки Господа, пришедшего на помощь ради исполнения Своей воли. Благородный образ преподобного Муна, возвышающегося на подиуме, неизгладимо запечатлелся в памяти всех членов Семьи.

Свободный и непосредственный в поведении, преподобный Мун — большой любитель природы. Его ближайшим сподвижникам и последователям достаточно хорошо известно, как он любит и ценит природу, как часто кажется очарованным красотой и загадочностью этого Божьего творения. Часто можно видеть, как он сидит, любуясь травой и листьями, ставшими изумрудно-зелеными в лучах раннего апрельского солнца. Однажды, указывая на нежный лепесток цветка в букете, украшавшем обеденный стол, он воскликнул: ”Ведь есть же глупцы, которые, видя изысканную красоту такого цветка, все-таки отрицают существование Бога!”

Все, кто тесно сближается с преподобным Муном, обычно влюбляются в его человечность и душевное тепло. Бессчетное число раз людям приходилось видеть, как он слушает рассказ о жизни веры какой-нибудь старушки, внимательнее, чем любой из присутствующих, хотя, может быть, он уже неоднократно его слышал. Когда преподобный Мун проверял местные отделения Церкви Объединения в сельских районах Кореи, его можно было часто видеть в обществе старого крестьянина, с которым он часами мог смеяться и обсуждать различные сельскохозяйственные проблемы, характерные именно для этой местности.

На песчаном пляже реки Хан он часто боролся с лучшими студентами, изучающими единоборство. В канун Нового года, когда члены Семьи играли в корейскую игру ”ют”, он проявлял больше энтузиазма, чем все другие участники. В таких празднествах он друг всем собравшимся, всегда оставаясь при этом сильным, чутким и человечным лидером; в то же время он еще и любящий и все понимающий отец для каждого из нас.

Преподобный Мун, посвятивший всю свою жизнь любви к Богу и служению Ему, также полон забот о благополучии человечества. Он остро чувствует не только человеческие страдания и голод, но и возможное ощущение душевной пустоты. Слишком хорошо зная, что люди могут надевать на себя разные маски, он обычно делает вид, что не

замечает этого. Он всегда был последователен в отдавании. Невозможно сосчитать людей, пользовавшихся его щедростью, испытывавших его добро и любовь. Это его так называемый “личный стиль” — давать гораздо больше, чем получающий мог бы ожидать, отчего благодарность человека, которому он помог, становится еще глубже. Неудивительно, что члены нашей Семьи постоянно испытывают сердечную благодарность и считают, что Отец заслуживает самого высокого уважения.

Преподобный Мун как воплощение настойчивости и энергии

Когда он решает осуществить какой-нибудь проект, он всегда доводит его до стадии, на которой тот будет приносить результат; никто не слышал, чтобы он когда-либо бросил проект на полпути. Он отличается крайней настойчивостью; пробудившийся в нем энтузиазм начинает бурлить и выливаться наружу, и его невозможно сдержать — как извержение вулкана. Именно поэтому ему обычно удается достичь всех поставленных целей, несмотря на любые непредвиденные затруднения.

Поток его энтузиазма и настойчивость питают его вера в Бога и любовь к Нему. Если бы не его решимость осуществить волю Божью и не целеустремленность, Церковь Объединения, несомненно, была бы стерта с лица земли на ранней стадии своего существования, поскольку она подвергалась невероятно жестоким и безжалостным гонениям. Однажды, выплюнув кровь, преподобный Мун вытер ее ладонью, обновив тем самым свою клятву вечной любви и преданности Богу.

Переполюющая его энергия поражает. Стоит ему задумать добиться какой-либо цели, он зачастую забывает о еде, днем и ночью трудясь над ее осуществлением. График его рабочего дня составлен наперекор здравому смыслу. Он все время “на ходу”, переезжая из одного центра Церкви Объединения в другой, даже посещая все пятьдесят (по числу американских штатов) главных центров Церкви Объединения в Америке по своему внезапному решению. Он руководит лидерами Церкви Объединения штатов, на месте подсказывая им новые дерзкие идеи, пришедшие ему в голову. В большинстве случаев они никогда и не думали о подобном. Его творческие идеи, всегда конкретные и подробные, охватывают различные стороны деятельности Церкви Объединения — от свидетельствования и оказания духовной помощи до широких общественных пропагандистских ралли. Откуда же льется этот неиссякаемый поток оригинальных творческих идей? О чем он говорит? Всего лишь о том, что его способность сосредоточиться и целеустремленность заставляют его постоянно обдумывать различные грани и ступени деятельности Церкви Объединения.

Было время, когда, за исключением часов, отведенных на сон, я постоянно находился с преподобным Муном. От зари и до тех пор, когда пора было ложиться спать, — обычно далеко за полночь, — его работа не оставляла ему ни минуты для себя. Все это время он был занят встречами и переговорами с новыми людьми, инспекционными поездками по центрам управления нашими многочисленными учреждениями, обсуждением многочисленных проблем с разными чиновниками. Поскольку деятельность Церкви Объединения охватывает весь земной шар, перед преподобным Муном постоянно возникают неожиданные и неслыханные проблемы. Когда член правления сообщает ему о какой-нибудь задаче, срочно требующей решения, преподобный Мун дает ответ без всякого колебания; зачастую его решение настолько противоречит традиционной “мудрости”, что ему приходится “разжевывать” его для собеседника. При этом становится ясно, что его ответ не возник из воздуха, а скорее созрел у него в голове в течение долгого времени. Часто, пожелав ему спокойной ночи, я шел спать. А он, вместо того чтобы отправиться спать, полностью погружался в раздумья, медитацию или молитвы, продолжавшиеся до зари.

Как только проект завершен, его неумная и сверхмощная энергия, постоянно питаемая ощущением важности его миссии, наталкивает его на замысел нового проекта; он никогда не отдыхает. Его творческая энергия, происходящая от его веры в любящее

Сердце Бога, способна подбадривать равнодушных, оказавшихся поблизости. Несомненно, благодаря его абсолютной самоотверженности и полной искренности, а также ни с чем не сравнимой энергии и настойчивости, Церкви Объединения удалось выстоять, несмотря на все гонения, которым она подвергалась с самого начала, и заложить твердое основание для ее распространения во всем мире в настоящее время.

Преподобный Мун спит 3-4 часа в сутки. За день он делает столько, сколько под силу 4-5 обычным людям. Люди зачастую относят его неумную энергию на счет его исключительной физической силы, и действительно, он находится в прекрасной форме. Многие молодые люди не могут угнаться за ним в рыболовстве или альпинизме. Правильнее было бы сказать, что пополнению заряда энергии способствуют осознание им своей миссии и способность сконцентрироваться, что нельзя объяснить только с физической точки зрения. Многим его последователям также известно, что он сильно ограничивает себя ради тренировки выносливости. Но больше всего тысячи людей привлекает то, как искренне он стремится развить в себе энергию, сосредоточенность и решимость. Неизбежным результатом этого является происходящее буквально на глазах расширение сферы влияния Церкви Объединения по всему миру.

Его лидерство

По-моему, никто сейчас не решится всерьез поставить под сомнение очевидный успех преподобного Муна как лидера. На ранней стадии развития Церкви Объединения один человек, занимающий видное положение в своем городе, заметил с опасением: “Как бы я ни критиковал преподобного Муна, факт остается фактом: это крупный лидер, которому сопутствует успех. Они (мои жена и дочь) могут не слушать меня, но они готовы слушать его и следовать за ним...”

Интересно, что бы он сказал сегодня, если бы своими глазами увидел, как люди, принадлежащие всем расам мира, любят преподобного Муна и следуют за ним, являясь приверженцами его учения. Сейчас, когда преподобному Муну за шестьдесят, он все еще полон желания многое сделать, и, зная, что ему уже удалось свершить, я не могу себе представить ни одного человека, оказавшего столь же громадное влияние на человечество! Какой из великих мыслителей или героев когда-либо при своей жизни руководил молодыми людьми из 120 стран мира и вел их за собой? Лидерство преподобного Муна не зависит от политической власти, богатства или военной силы. Наоборот, на его лидерстве лежит печать добра и уважения, которые питают к нему простые люди. Насколько я понимаю, самая большая редкость в мире, — это, наверное, когда человеку удается завоевать такое расположение к себе.

Здесь, в США, есть много противников нашего Движения, которые тем не менее искренне признают, что преподобный Мун является искусным лидером, которому удалось свершить чудеса. Но это еще не все. Многие корейцы, живущие в этой стране, говоря о нем просто как о человеке (не касаясь его положения религиозного лидера), почти единодушно соглашаются, что преподобный Мун — великий герой!

Преподобный Мун выделяется среди любой группы людей, он немедленно привлекает всеобщее внимание и совершенно естественно становится в ней лидером. Впечатляет не только его внешность, больше всего подкупает то, что он наставляет людей и руководит ими, являясь для них примером. Его лидерство притягивает огромное количество юношей и девушек, которые, отказавшись от избранной карьеры, становятся его последователями. Более того, эта молодежь, не имевшая ранее четкого направления в жизни, видит, что мир полон надежд, и, внутренне изменив свой образ жизни, меняется даже внешне. Не может быть большего доказательства мудрости его руководства. Как только молодые люди поймут и оценят его Сердце, осознают, что он любит и бережет каждого из них, они смогут преодолеть любые трудности и противоречия.

Кажется, что, заглянув в его глаза, полные любви и сочувствия, видевшие в этом мире столько страдания и несчастий, люди наполняются уверенностью, позволяющей им разрешить все проблемы.

Преподобный Мун жаждет справедливости. Даже в повседневной жизни каждое его слово проникнуто любовью к Богу и преданностью Ему; каждый, кто, встретившись с ним, сумеет сохранить в душе частицу вдохновения, полученного им от Бога, без колебаний примет его учение и последует за ним.

Его проповеди, обличающие несправедливость, дающие определение зла и добра и показывающие людям Небесный путь, замечательны не красноречием и убедительностью, а тем, что они побуждают людей к размышлениям и духовным поискам. Людей глубоко трогают его молитвы, в которые он вкладывает все свое Сердце и душу; когда я впервые услышал его, в моей душе все перевернулось. Его лидерство в исполнении воли Божьей помогает распространению его учения по всему миру, разрушая не только расовые, но и национальные барьеры.

Конечной целью деятельности преподобного Муна является осуществление Божьей воли; и это нельзя считать фантазией мечтателя или бегством от грубой реальности мира. Подобно компьютеру он тщательно планирует все необходимые шаги к осуществлению этого идеала на земле.

У преподобного Муна почти фотографическая память, особенно на людей. Его отличает пронизательность, взгляд его как бы проникает в глубь человеческой души. Он воспринимает людей в трехмерном изображении; я имею в виду, что каждый, попадающий в поле его зрения, сразу же понимает, насколько безошибочны суждения преподобного Муна о людях. Кроме того, он полностью отдает всего себя, когда руководит людьми, и все знают, какой это глубокомыслящий и надежный человек. Его сильное и эффективное руководство, подкрепленное решимостью претворить идеи в жизнь, вселяет в молодых лидеров и сотрудников уверенность в себе, залог великих достижений. Возможность быть кому-то обязанным, материально или духовно, ужасает его. Он никогда не просил, чтобы кто-то другой сделал то, к чему он сам не готов. Несомненно, это делает его выдающимся лидером, каких мало.

Преподобный Мун: мыслитель

Преподобный Мун — великий мыслитель, его размышления о Боге очень глубоки. Как философ, он открыл новый путь к пониманию цели Божьего творения, законов Вселенной и происхождения греха. В “Божественном Принципе” он показывает нам, как одолеть сатанинский мир и исполнить волю Божью на земле. Чудо успеха Церкви Объединения, распространившей свое учение по всему миру, свидетельствует о силе мысли и деятельности, начатой преподобным Муном.

Нет числа афоризмам и идеям преподобного Муна. Они так много значат для нас, его последователей, и для нашего образа жизни потому, что сам он является их живым воплощением. Все, что он думает и говорит, идет из глубины его существа. Хотя его отличает выдающаяся сила мысли, но его мысли не являются результатом обычного процесса познания, так как у него слишком мало времени, чтобы размышлять ради размышления. Преподобный Мун-мыслитель и преподобный Мун-деятель не обособлены друг от друга; оба они живут в одном теле, и между ними существуют превосходные отношения отдавания-и-принятия. Следовательно, любовь к Богу, с одной стороны, и решимость осуществить Его волю — с другой для него одно и то же. Иначе говоря, его мысли и дела неразрывно связаны.

Преподобный Мун может показаться нетерпеливым. Он хочет добиться результатов в кратчайшие сроки. Он презирает легкую жизнь и комфорт, самоудовлетворение и застой. Хотя он делает все возможное, чтобы достичь цели как можно быстрее, никто не может превзойти его в терпении, когда ситуация того требует. При необходимости он

всегда готов ждать более благоприятного момента, если только это поможет исполнить Божию волю.

Расскажу вам для примера одну историю. Много лет назад, еще живя в убогой хижине, которую он построил в Пусане (Корея) своими руками, преподобный Мун разработал план отправки миссионеров во все страны мира. Даже во время своих поездок по различным городам Америки он постоянно держал в мыслях свой проект самого крупного турне, которое ему хотелось совершить, — когда-нибудь в будущем он надеялся приехать в Москву. Как я уже говорил, некоторые его идеи настолько идут вразрез со здравым смыслом или выходят за пределы понимания обычного человека, что ему приходится ждать какое-то время, прежде чем их обнародовать.

Даже не рассматривая его религиозных убеждений, нельзя не признать, что преподобный Мун всегда проповедует и практикует философию бытия и ценностей и сам живет согласно ей. Он разделяет добро и зло, справедливость и несправедливость. Поэтому маленький обыватель, ограничивающийся желанием “хоть как-нибудь прожить”, в глазах преподобного Муна является жалким ничтожеством.

Заключение

Когда все, что надо было сказать о преподобном Муне, сказано, становится очевидно, что при всем своем величии он не получил всеобщего признания и одобрения. Его огромный труд недооценен. Испытав столько унижений и обид, столько оскорблений, которые заслуживают лишь злейшие преступники, он перенес их со сверхчеловеческой стойкостью. Теоретик, автор многих высоких идей, он трудится как последний из рабов, чтобы осуществить их. Чтобы выполнить волю Божию и построить Царство Небесное на земле, он в одиночестве прошел долгий и полный невзгод путь, неся крест неопикуемых страданий.

Никто точно не знает, придет ли день, когда его искренность и решимость осуществить восстановление всего человечества получат признание, или, напротив, после смерти его ожидает забвение.

Как бы там ни было, все, что нам удалось узнать о нем в результате нашего исследования, это лишь часть от целого.

В личной и общественной жизни он продолжает пробираться через тернии преград. Мы еще не узнали всего о его горе и радостях, о том, что приносит ему удовольствие, а что печалит.

Он родился свободным человеком, но в своей жизни сталкивался со многими ограничениями и препятствиями. Каждое его движение, каждый шаг вызывают пристальное внимание. По своей природе преподобный Мун такой деятельный человек, что не может дышать свободно, если слишком долго остается привязанным к своему дому. Соединенные Штаты — большая страна, но ему она кажется слишком маленькой. Если бы это было возможно, он бы обходил земной шар тысячу раз в день.

Отец Небесный, пожалуйста, сделай так, чтобы настал день, когда преподобный Мун станет полностью свободным, раз и навсегда! Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ СОН-МЁН МУН:

ЖИЗНЬ РАДИ ДРУГИХ

Фан-Че Фан

Когда я впервые встретил преподобного Муна, ему было 35 лет, а мне — 24. Я учился на 3-м курсе в университете Ён-Хи. Сейчас (в 1980 году) мне уже 50, а Отец отпраздновал свое 60-летие.

Он пожертвовал своей молодостью ради Божьей воли, и, несмотря на наше желание, чтобы он оставался вечно молодым, в 60 лет его лоб испещрен морщинами — следами прожитых лет.

Оглядываясь назад, можно сказать, что он прошел адски тяжелый путь, испытывая безжалостные гонения и непрерывное противостояние.

Я до сих пор помню, что преподобный Мун сказал о своих противниках: “Ну что ж, если им хватит сил стоять у меня на пути 30, 40 лет, пусть мешают... но я уверен, что они выдохнутся намного раньше”. Эти слова ясно отражают его отношение к своим гонителям.

За его победой над всевозможными преследованиями и противодействием стоит непоколебимая вера, чувство ответственности за возложенную на него миссию и многие другие факторы, которые даже сегодня еще ждут своего осмысления. Мое скромное перо никогда не сможет воздать должное его величию, но я принимаюсь за дело с горячей сердечной молитвой.

Гореть желанием исполнить волю Бога

Прочитав Библию бесчисленное множество раз, он проводил большую часть своего времени в молитвах и медитациях, чтобы открыть Принцип. Когда же Принцип был открыт, это учение встретило одобрение мыслителей и Бога. Благородная мысль преподобного Муна со всей отчетливостью прослеживается в Принципе.

Когда преподобному Муну было 16 лет, у него состоялась личная беседа с Иисусом, который передал ему свою невыполненную миссию. С тех пор без секунды колебаний он решительно боролся за то, чтобы ее исполнить.

Кто, будучи в здравом уме, посчитал бы нормальным Авраама, — человека, подчинившегося Богу, повелевшему принести в жертву своего сына Исаака? Его бы сочли сумасшедшим, а его поступок — безумным. Как похож преподобный Мун на Авраама, с которым его роднит сердечный жар, стремление выполнить повеление свыше! Еще пример. Люди посмеивались и хихикали над Ноем, который в период 120-летней засухи пророчествовал, предвещая суд потопом, и стал строить ковчег. Для людей он был объектом презрения и насмешек. Они не понимали воли Божьей, так как же они могли правильно судить о действиях Ноя?

Понимающий волю Божью и не понимающий ее, различаются как небо и земля. Вот и преподобному Муну приходилось выносить насмешки и презрение тех, кто не понимал воли Бога. Преподобный Мун встал на место Авраама и Ноя, представлявших Божью волю. Когда он находился в заключении в Хыннаме (Северная Корея), его навестила мать. Увидев, что сын одет в тюремное тряпье, она расплакалась. На это преподобный Мун твердо сказал ей: “Мама, я иду по пути Бога, и если ты не хочешь утешить меня в моих страданиях и поддержать на этом пути, пожалуйста, иди домой. Я не хочу видеть твоих слез”.

Преподобный Мун горит желанием исполнить волю Бога. Он ничего не хочет знать, кроме нее, потому что все остальное, к ней не относящееся, совершенно не имеет значения. Приветствуя все, что находится в гармонии с волей Божьей, он не принимает и не терпит ничего, что ей противоречит.

Обычные верующие люди, молясь Богу, просят, чтобы Он послал им благословение, либо какое-то другое благо. А преподобный Мун учит нас молиться так, чтобы в итоге отдавать, а не принимать благословение. Я сам слышал, как преподобный Мун с жаром молился, прося Бога послать ему тягчайшие испытания, предлагая своих детей в качестве искупительной жертвы в том случае, если его путь расходится с волей Божьей. Для родителей нет ничего дороже, чем их дети, и тем не менее преподобный Мун предпочел пожертвовать благополучием своих любимых детей ради Бога. Вне всякого сомнения, преподобный Мун — как раз тот человек, который пойдет на все, не остановится ни перед

какими трудностями ради выполнения воли Божьей.

В борьбе со временем

“Время — деньги” гласит известная поговорка. Преподобный Мун буквально живет согласно этой мудрости. Последние десятилетия, неистово работая во имя Божьей воли, он спит по три-четыре часа в сутки. Я абсолютно уверен, что у него на счету каждая минута, даже секунда, нужные для того, чтобы исполнить свою миссию.

При этом я особенно хочу подчеркнуть, что он обладает совершенным чувством времени. В Библии повторяются числа 3, 4, 7, 12, 21, 40 и 120. Эти повторения не случайны, они основаны на Принципе. Поэтому вполне естественно, что преподобный Мун, открывший Принцип как основу этих чисел, прекрасно ощущает время. Но, как нам всем известно, нелегко подготовить все необходимое для исполнения задачи, зная, когда что произойдет.

Часто говорят, что каждому человеку даны три возможности преуспеть в жизни. Но если он их не распознает, то, скорее всего, они обратятся в ничто. А для человека, способного заметить данные ему возможности и спокойно подготовиться к их осуществлению, они не пропадут. Другому же сколько шансов ни давай, он ими не сможет правильно распорядиться и растратит понапрасну. Чтобы выполнить задачу, обычно требуется, чтобы этот процесс проходил в определенной последовательности — от начала и до конца. А тот, кто знает, когда и с чего начинать, — гений. И это, безусловно, в полной мере относится к преподобному Муну.

В самом начале своего пути он проповедовал группе пожилых женщин, порой до раннего утра. Им так нравились его речи, что, когда он умолкал, они с удивлением замечали, что занимается заря нового дня. Что касается его, какую тоску он испытывал, хоть и улыбался вместе с ними, зная, что пришло время исполнить промысл Божий!

Отдавая целиком свое время и энергию подготовке последователей — как молодежи, так и стариков, борясь за исполнение промысла Божьего в семьях, нациях, во всем мире, он был абсолютно один, у него не было ни советников, ни помощников. А действия сатаны, чувствующего свой близкий конец, становились все более изощренными и разрушительными.

Подобно Богу, открывающему Свой промысл через пророков, преподобный Мун заранее раскрывает планы своей деятельности, особенно те, которые имеют первостепенную важность. В зависимости от обстоятельств он говорит о том, что надо сделать, либо прибегая к иносказанию, либо к субстанциальной терминологии. И зачастую случается, что он скажет о чем-либо мимоходом, и какой-нибудь его умный последователь поймет значение этих слов раньше времени, а до других, менее догадливых, смысл сказанного доходит лишь задним числом.

Вначале крупные события типа провиденциального ралли или бракосочетаний с участием многих пар проходили скромно, без фанфар. Они просто начали происходить и потом разрастались, вот и все, — подобно человеку, который просто вышел пройтись, а в итоге отправился в кругосветное путешествие. Вообще начало выглядело маленьким и незначительным, а результат оказался громадным. Не успели мы понять, что происходит и почему, как исторические события происходили одно за другим.

Человек, который ни о чем не сожалеет

Простые смертные не могут не испытывать сожаления по поводу каких-то собственных поступков. Это естественно. Никто не в силах повернуть время вспять, однако преподобный Мун встречает каждый новый день без сожалений. Он живет так, что в какой бы момент ни настигла его смерть, он сможет отправиться в духовный мир, не тая в сердце сожаления; скорее всего его будут приветливо встречать у входа сонмы добрых ангелов. Иными словами, его отношение к жизни сводится к готовности, что любой ее

момент может оказаться последним. Он не забывает, что любой его вздох может оказаться последним.

Бог совершенен и не дает сатане повода для сожалений. Вспомните Иова. Сатана порочит Иова перед Богом, и Бог разрешает сатане делать с ним что угодно. Но в конце концов сатана сдастся и признает, что он не будет возражать, если Бог осыплет Иова благословениями. Сатане разрешено делать все, что ему заблагорассудится; иначе его будут одолевать сожаления. Тюрьма подобна аду на земле, а узник — в глазах закона — враг людей. Однако, находясь в заключении в Хыннаме, преподобный Мун оказался образцовым заключенным и награждался за примерное поведение. Если вы не можете сделать то, на что не способен сатана, вы не вырветесь из его когтей. Больше всего на свете сатана боится самопожертвования и смерти. Следовательно, если вы решитесь пожертвовать собственной жизнью, даже сатана этого не выдержит и сбежит.

И сейчас, как и на заре существования Церкви Объединения, преподобный Мун иногда работает ночи напролет, не смыкая глаз. Это не выдумка горстки его ближайших приверженцев, отнюдь нет. Даже его враги признают, что он не спит ночами, жертвуя сном ради подготовки своих несмышленных последователей. Разговаривая с нами, он редко определяет какие-либо временные рамки. Он погружается в разговор, который может продолжаться и десять, и двадцать часов подряд. Он должен добиться, чтобы все его основные мысли навсегда отпечатались в сердце и памяти каждого слушателя. Такой напряженный распорядок не вызывает у него ни скуки, ни усталости. Это же дело его жизни, которое приносит ему удовольствие. И это так же верно сегодня, как двадцать лет назад.

Он никогда не думает о еде. Завтрак может быть отложен до позднего вечера. Но он полон бодрости и никогда не производит впечатления истощенного. Что касается сна, то он заранее не продумывает, во сколько ложиться и как долго спать. Когда он проповедует до 4 утра, мы всегда предполагаем, что он отоспится утром и сядет завтракать позднее. И каждый раз наши предположения оказываются ошибочными. Мы будем, возможно, правы, полагая, что простой смертный просто не выдержит такого режима.

Я был с преподобным Муном в 1977 году в Бостоне, когда он занимался ловлей тунца. Катер отплывал от берега еще в кромешной тьме, а свой завтрак, состоявший из пакетика вермишели, он съедал в 10 часов. После этого лов продолжался. Многие из тех, кто находился на катере, который подбрасывало на гребнях волн в открытом море, ложились отдохнуть прямо на полу, и лишь он один продолжал лов, сидя на верхней палубе до тех пор, пока совсем не темнело. Обычно он возвращался часов в 9 вечера, а поужинав, начинал разговаривать с нами, и беседа продолжалась часов до 12, а то и до часа ночи. Потом он шел спать, чтобы в три часа ночи снова встать и опять идти в море. И это продолжалось не день и не два. Такой напряженный график выдерживался в течение 40-50 дней. Какому рыбаку когда-нибудь приходилось так тяжело работать?

Он показал другим пример с тем, чтобы Церковь приступила к созданию рыбной промышленности. Когда дело касалось преодоления трудностей или препятствий, ему всегда удавалось превзойти все наши ожидания, так как мы исходили из того, что обыкновенный человек не в силах вынести таких испытаний.

Однажды преподобный Мун сказал: “Если речь идет о гонениях и враждебности, то мне их выпало больше, чем кому-либо другому во всей истории”. Есть множество доказательств правоты этого суждения. Заключенных Хыннама морили голодом: еды им давали ничтожно мало, а труд был очень тяжел, и когда кто-либо умирал, они не брезговали взять миску покойного! Преподобному Муну пришлось насмотреться на множество умирающих людей и изможденных трупов, а он в это время думал о кровоточащем Сердце Бога и утешал Его в своих молитвах. Он неистово любит Бога.

Преподобный Мун, открывший Сердце страждущего и печального Бога, постоянно говорит о Его освобождении. Для этого ему приходится взвалить горести и труды Бога на свои плечи. Он должен быть по-настоящему почтительным сыном Бога, потому что ни во

сне, ни наяву ни о чем больше не думает. Он никогда не нарушает верности своей родине, которая отвергает его, и любовь его к миру остается неизменной, даже если мир обращается к нему спиной. Итак, он подлинно верный и почтительный сын Бога, пришедший, чтобы восстановить падший мир. Согласно Божественному Принципу, для достижения совершенства надо пройти через три стадии. С тех пор как я стал его последователем, я неоднократно испытывал это на себе, убеждаясь, что надо жертвовать собой во имя воли Божьей, действовать с любовью, трудиться и трудиться, чтобы осуществить эту “тройку”. Преподобный Мун никогда не удовлетворяется малым. Он всегда доводит начатое до конца и никогда не сдается на середине пути. Такая особенность, кажется, и есть та движущая сила, которая заставляет его следовать один раз избранным тернистым путем вот уже сорок лет.

Жертвенный путь

Если воды в чашке не слишком много, она не перельется через край. Чтобы получить что-либо, надо вначале собрать необходимые ингредиенты, а потом заставить их вступить друг с другом во взаимодействие, то есть ингредиентов должно быть достаточно и между ними должно быть правильное соотношение. По той же причине, чтобы сотворить Вселенную, Богу понадобилось время. Точно так же для осуществления промысла восстановления требуется время. В самых редких случаях преподобный Мун начинает что-либо в спешке. Но когда его сердце зажигается и энергия начинает переполнять его, он обращается в молитвах к Богу, спрашивая у Него совета, и погружается в работу над проектом.

Часто говорят, что хорошее начало — это половина успеха. Начать что-либо действительно трудно, но раз уж дело начато, преподобный Мун никогда не бросает его, пока оно не начнет приносить плоды. Он верит, что если будет молиться, чтобы в семью пришел какой-нибудь очень нужный Небу человек, то этот член семьи не будет думать ни о чем другом, кроме того, как прийти в Церковь, и придет, даже после комендантского часа. Если это дело Божье, оно не может потерпеть неудачу. Если кто-то отдает свое сердце Небу, никто не в силах отнять его.

Преподобный Мун создал индустрию Тон-Ил и в течение трех лет работал над этим проектом не покладая рук, проводя иногда проверки по три раза в день. Цель индустрии состояла не в накоплении богатства. Он считал, что эта промышленность будет иметь для его страны большое значение, что это предприятие будет поддерживать миссионерскую деятельность во всем мире, ему хотелось, чтобы оно разрослось, подобно тому, как семечко превращается в цветущее и плодоносящее дерево, приносящее пользу людям. Поскольку оно существует для Бога, никто не может на него наступить или присвоить себе.

Он всегда учил нас, что каждый должен стремиться к большей преданности, чем у окружающих. Надо стараться есть меньше, спать меньше, не так хорошо одеваться, а если кто-то рядом делает одно дело, вы должны делать два, если кто-то работает один день, вам надо работать два дня — словом, надо всегда быть на шаг впереди окружающих. Это философия самоотдачи. Но легче говорить, чем выполнять. Если вы получаете что-то одно и отдаете другому эквивалентное количество, то отдавание и принятие взаимно компенсируются. А отдавать, не принимая, или принимать меньше, чем отдал, — значит, оставить кого-то в долгу перед собой. Если же принимаешь, не отдавая, или отдаешь меньше, то сам оказываешься обязанным. Он всегда учил нас действовать так, чтобы в долгу оставались другие, а не наоборот. Что бы ни делалось, никогда не обходилось без вмешательства и руководства преподобного Муна. Такова его философия: никогда не оставаться в долгу, даже перед своими последователями, а лучше оставлять в долгу их. В результате того, что наши миссионеры работают в 127 странах мира, над Церковью Объединения никогда не заходит солнце. Где бы он ни оказывался, он знает, что рядом есть миссионеры, которые молятся за него, а он не ложится спать до утра, молясь за них,

чтобы не оставаться в долгу. В этом его никто не превзошел. Это касается и чтения лекций о Принципе, и разговоров с членами Семьи, и проведения инспекционных поездок, и ловли тунца, и бессонных ночей, и голода, и т.д. Это факт, который никто не может отрицать. В чем вы “обошли” других — вот эталон, из которого надо исходить.

Иисус говорил, что его надо любить больше, чем собственных родителей, братьев и сестер, мужа или жену, больше, чем своих детей; без этого невозможно войти в Царство Небесное. Как смог преподобный Мун всем пожертвовать? Это, возможно, потому, что он любит Бога всем сердцем, посвящая всего себя исполнению Его воли, а в таких условиях в жертву можно принести все.

О человеке можно судить по тому, что он любит. Человек, любящий родителей, жену, детей, почет, богатство, собственную жизнь больше, чем Небеса и волю Божью, должен предстать перед Божьим судом. Что до преподобного Муна, то он помнит и думает лишь об одном: Боге и Его воле, а все прочее, включая его самого, является приношением Богу.

Перед вашингтонским ралли 18 сентября 1976 года он посвятил все свое время и энергию планированию и подготовке. Все, кто находился рядом с ним, были поражены его самоотдачей. Должно быть, сам сатана отступил в изумлении. Даже Бог, наверное, был растроган. Много раз, думая о том, как много работают члены Семьи, преподобный Мун проводил ночи, не ложась в постель, а лишь подремав в кресле. Мы должны всегда молиться за его здоровье.

Путь восстановления — путь страданий

Невинность не предполагает наказания; точно так же, без грехопадения не требуется восстановления. На наказание можно смотреть как на кнут, а достаточное число ударов, так сказать, искупает и стирает грех, то есть закон искупления — закон наказания кнутом. Никто не любит, чтобы его били кнутом, а поскольку грех не может быть прощен без такого наказания, можно ненавидеть кнут и тем не менее принимать его удары с благодарностью. Адам, тяжко согрешив, пал. Чтобы восстановиться в своем изначальном положении, он должен прежде выполнить условие искупления, равноценное смерти, которую принесло его грехопадение. Чтобы искупить все грехи, совершенные многими поколениями людей после Адама, необходимо выполнить равнозначное им условие искупления.

Кому, кроме преподобного Муна, эта мысль могла привидеться хотя бы во сне? До него много мудрецов и пророков молилось Богу, но только преподобный Мун, превзойдя их в молитве и духовных трудах, смог взять на себя выполнение незавершенной миссии и открыть тайны Небес. Он, видимо, был тверже их в вере, простиравшейся в те глубины, куда они не решались заглянуть.

Если кто-то выполняет рабский труд ради воли Божьей, то, чтобы принять на себя миссию другого, он должен стать на еще более низкую ступень в рабстве, по своему желанию принимаясь за работу, достойную только такого раба. Чтобы из самого греховного состояния перейти в состояние полной безгрешности, необходимо пройти весь путь, отделяющий нас от положения ребенка Бога. Чтобы понять, что таится в сердцах людей, нужно представить себя на их месте. Наверное нельзя заставить идти за собой всех: одиноких и угнетенных, презираемых и забытых, горделивых и процветающих, если сам лидер не возносится на жизненные вершины и не погружается на самое ее дно.

Чего только преподобный Мун ни делал, кажется, он перепробовал почти все занятия. Он испил от горькой чаши жизни, но вкусил он и ее сладостей. От прачечной до тяжелого фабричного труда, от упаковки мешков с минеральными удобрениями, оставляющих шрамы на коже, до погрузки тяжестей, от шитья до вязания — он выполнял всякую работу. Его мучители били его по лицу, грубо пинали. Бог приказал ему, и он повиновался: оставил жену, только что родившую ему ребенка, и пересек 38-ю параллель, чтобы оказаться в коммунистической стране.

Подобно Иисусу, терпевшему гонения от своих врагов, преподобный Мун испытал преследования как лидер новой религии. В то время как он проповедовал среди своих сторонников антикоммунизм, его обвиняли в принадлежности к коммунистам. Церковь Объединения считает, что первородный грех заключался в акте недозволенной любви между мужчиной и женщиной, а ее обвиняли в организации групповых оргий. Неудивительно, что преподобного Муна, основателя Церкви, преследовали и травили больше всех! Каждый раз, терпя вопиющую несправедливость по отношению к Церкви и себе лично, преподобный Мун больше думал о кровоточащем Сердце Бога, и старался утешить Его. Вертикально он поклоняется Богу, а горизонтально трудится ради всего человечества, проводя в жизнь промысл восстановления. Он ни разу не отступился от миссии, возложенной на него Богом. Он яростно сражался на Его стороне.

Человек, открывший Принцип

Ничего не достигнешь в невежестве. Теории ради теории, теории, не имеющие связи с практикой, утопические и сугубо теоретические идеологии — все это приходило и уходило. До сих пор не появлялось теорий, существующих в единстве с практикой. В Библии, являющейся словом Божиим, много неясных, даже противоречивых мест, вследствие чего воля Бога остается сокрытой. Божественный Принцип Церкви Объединения — это плод многолетних исканий преподобного Муна, который провел десять лет в молитвах и схватке с духовным миром, чтобы получить ответ. И он вышел из этой битвы победителем. После сорокалетней борьбы Бог и пророки наконец одобрили его Принцип. Говорят, что даже после этого он, проявляя крайнюю осторожность, продолжал испытывать Принцип всеми мыслимыми способами при каждом удобном случае. Убедившись наконец в истинности своего учения, преподобный Мун стал понемногу открывать его миру.

Подобно Богу, Который не в силах изменить Свои законы, созданные Им для управления миром творения, преподобный Мун, открывший Принцип, сам живет, строго соблюдая его. Бог существует для сотворенного Им мира, в центре которого стоит человек. Преподобный Мун живет ради Принципа. Он предан каждой цели Божьего творения. При всех перенесенных им тяготах и страданиях, преподобный Мун не был бы великим, если бы делал все это для себя. Его любовь, доброта, благословение — достояние всего человечества. Если отнять у него эти качества, преподобный Мун останется ни с чем. Если у него спросить, что он сделал лично для себя, не найдется ничего, достойного упоминания.

Сатана использует других и даже жертвует ими для собственного блага, а Небеса разрешают, чтобы их использовали и ими жертвовали для блага других. Преподобный Мун очень мало времени уделяет личной жизни. День и ночь он в трудах. Он редко обедает со своей семьей, обычно разделяя трапезу со своими сотрудниками, чтобы за едой выслушать их отчеты. Поскольку его тяжелый труд — на благо Неба, он не возражает, что работа отнимает у него личное время, семью, личную свободу. Он считает, что все эти жертвы оправданны.

Преподобный Мун говорит, что не может построить жизнь по своему желанию, поскольку “свое желание” предполагает проявление индивидуализма. Даже Бог не отдыхает; так как же может отдыхать он, преподобный Мун? Это более или менее полно выражает его философию. Он может колебаться и даже неохотно приниматься за работу для себя, но он не колеблется и не увиливает, если его замысел принесет благо всем. Он сразу же становится смелым, уверенным, решительным. Он вкладывает в работу все свое время и всю энергию. Он воистину является олицетворением воли Божьей.

Ему, видимо, нелегко дается этот непрерывный труд, потому что иногда он признается в желании уйти в духовный мир как можно скорее. Он ведь так и не отдыхал до своего шестидесятилетия. Преподобный Мун глубок как самый глубокий океан, высок, как высочайшая из гор. Мое скромное перо не в силах отдать должное ни ему, ни его

великому труду, ни его жизни ради других. Позвольте, я закончу молитвой: да ниспошлет ему Бог доброе здоровье на долгие, долгие годы.